

✓
К-14038

П304820

ВЕСТНИК

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 231

**СИСТЕМЫ РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ И ОБУЧЕНИЕ РЕЧИ**

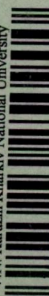
1982

1 р. 30 к.

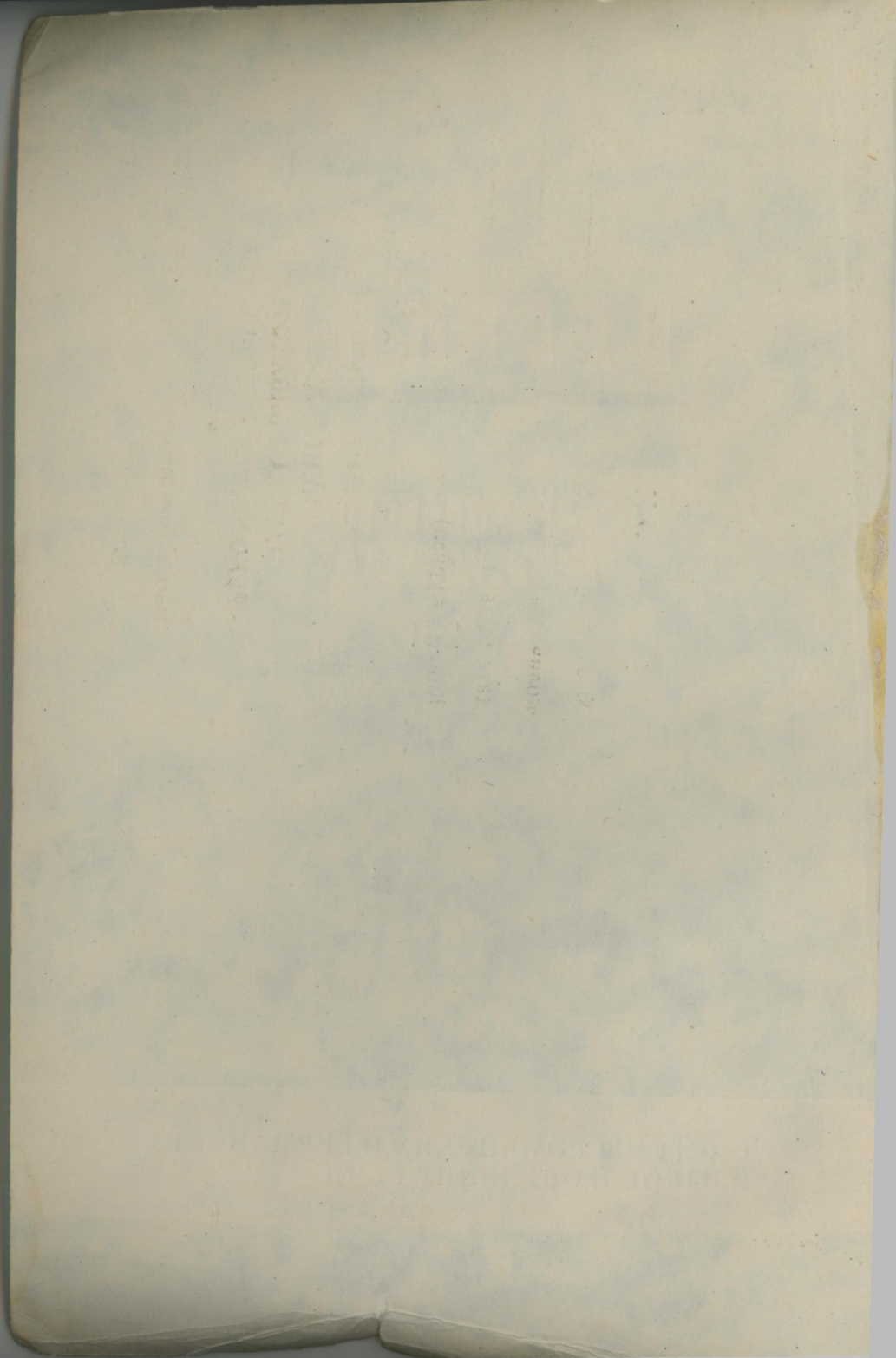
Вестн. Харьк. ун-та, 1982, № 231, 1—120.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00279842

0

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 231

СИСТЕМЫ РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ И ОБУЧЕНИЕ РЕЧИ

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»

1982

Литературно-художественное издание

В вестнике представлены статьи, содержащие результаты структурно-функционального и типологического исследования грамматики английского, немецкого и французского языков. В разделе методики освещены некоторые актуальные проблемы теории и практики обучения иностранному языку. Для научных работников, преподавателей и аспирантов.

Редакционная коллегия: Ю. Ф. Ещенко (отв. ред.), А. С. Калинин (зам. отв. ред.), Е. И. Морозова (отв. секр.), Н. Н. Анютин, В. И. Безуглый, В. И. Каравашкин, В. А. Кухтенко, С. Т. Навальная.

Печатается по решению редакционной коллегии факультета иностранных языков Харьковского государственного университета

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, ф-т иностранных языков, тел. 40-14-04.

Редакция гуманитарной литературы

В 4601000000—053
M226 (04) — 82

© Харьковский
государственный
университет, 1982

Центральна наукова
бібліотека ХДУ

Л. Г. АКУЛЕНКО

ВЫРАЖЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО И МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Категория количества, диалектически связанная с категорией качества, отражает важнейшую определенность объективного мира. В философской литературе количество определяется как «величина наличности чего-либо, которая в результате сравнения (включая счет, измерение, вычисление) может быть выражена приблизительно... или точно» [5, с. 81—82]. Без отражения количественной определенности бытия невозможны ни познание, ни человеческая коммуникация. Понятно, что в современных развитых языках средства выражения идеи количества пронизывают все уровни языковой структуры, образуя обширное грамматико-лексическое [2], или функционально-семантическое поле количества.

Структура этого поля очень сложна. Морфолого-семантические средства выражения точного количества — имена числительные и морфологическая категория числа, выражающая идею неточного количества, — составляют два центра, вокруг которых группируются более частные микросистемы, взаимодействующие в пределах поля и использующие средства синтаксиса, морфологии, словообразования, лексики и фразеологии и даже интонации [ср. 1].

Особое место в пределах поля занимают две как бы антонимичные микросистемы, объединяющие средства выражения неопределенно большого количества (НБК) и неопределенно малого количества (НМК) [2]. Каждая из них охватывает логически различающиеся явления: средства передачи неточно определяемой мощности множества (для дискретных объектов) и неточно определяемой мощности величины (для непрерывных явлений). При точном выражении количества в первом случае использовался бы счет, а во втором — измерение. Но в рассматриваемом случае различие оказывается не слишком существенным, так как всякий раз мощность определяется исходя из приблизительной нормы (социально-групповой или индивидуальной и даже ситуативной). Кроме того, и это особенно важно, все средства выражения неопределенного количества систематизируются языком одинаково.

В современном языкознании семантика слова изучается в двух основных направлениях — ономаσιологическом (номинативно-репрезентативная функция) и семасиологическом (внутриструктурная семантическая значимость слов) [3; 11]. Подход с точки зрения номинации позволяет увидеть специфику устройства обеих семантических микросистем немецкого языка в их развитии и актуализации в речи. При этом становится очевидной недостаточность методики анализа значений по лексико-семантическим группам в пределах одной части речи. Номинационный подход к семантике слова свидетельствует о системной взаимосвязи в языке слов, относящихся к различным частям речи, а также о связи слов и семантически близких к ним устойчивых словосочетаний.

Система средств выражения НБК значительно сильнее развита. В этом сказывается особая важность понятия большого количества (сравнительно с малым) для говорящей массы. Немецкий язык располагает двумя типами средств прямой лексической номинации для выражения этого понятия. Во-первых, это слова и устойчивые словосочетания, непосредственно, в прямом значении обозначающие НБК и нередко моносемичные (*viel* и многие производные, *zahlreich*, *Masse*, *Mehrzahl*, *Myriade*, *Unmenge*, *Unzahl**, *unzählige*mal, *in Massen*, *in Fülle* и т. п.). Во-вторых, это расчлененные наименования — словосочетания из двух взаимодополняющих, в данной функции, друг друга классов (со значением *количество (число)*, *часть* и *большой* (типа *eine große / kolossale Menge*, *Zahl*, *Anzahl*, *ein großer Teil*, *Umfang*, *im reichen Ausmaß*, *eine starke Dosis*). К этому центру микросистемы примыкают многочисленные типы средств вторичной номинации. Сюда относятся случаи не прямой (семантические переносы), а также косвенной номинации, когда переосмысление словесного знака сочетается с обязательной опорой на другой знак. В последнем случае можно говорить о несамостоятельной номинационной ценности наименований, основанных на фразеологически связанных значениях многозначных слов [9, с. 73—75].

В отличие от двух центральных рядов, имеющих в принципе закрытый характер, все остальные являются открытыми, т. е. сочетают узуальные и окказиональные переносы значений. Степень необычности, непривычности переноса в образно-экспрессивной речи может быть высокой. В то же время в этих рядах проявляется четкая системная упорядоченность коллективного и индивидуального языкотворчества, так как любые семантические неологизмы неизбежно подводятся под имеющиеся в системе языка открытые возможности, или ряды.

Ряды, общее число которых для системы НБК в немецком языке превышает 60, имеют отчетливую образную основу. Все эти «образы языка» [8] группируются в немногие объединения. Таковы

* Префикс *un-* имеет здесь усилительно-количественное значение [7, с. 430].

образы *большого* (большие числа, большие меры, большие вместимости и т. д.), больших или интенсивных природных явлений (большие площади воды, интенсивное движение воды, осадки, интенсивные извержения, крупные неровности рельефа, большие совокупности растений и пр.), совокупностей (лиц, животных, предметов — упорядоченных, однородных и разнородных, с обязательным признаком движения и без него и т. п.), больших или сложных артефактов, а также образы *силы, полноты* и др.

Несмотря на абстрактный характер выражаемого понятия, при его языковом воплощении используются по преимуществу конкретные образы, имеющие натуроморфный и антропоморфный характер. Например: Bach, Born, Flut, Kaskade, Schwall, Springflut, Strom, Strudel, Sturmflut, Berg, Meer, Hagel, Regen, Woge, flutweise, hageldicht, in Strömen, wie Sand am Meer, Ozean и т. п. Heer, Horde, Schwadron, Rotte, in hellen Scharen, sich zusammenrotten, hordenweise, legionweise, die Zahl ist Legion, Armee и др.

Особенно сильно антропоморфизм проявляется в большой группе номинаций, построенных на использовании человеческого тела в качестве эталона для выражения величины: bis auf die Knie, bis zum Gürtel, ellenhoch, bis zum Hals, bis auf die Zähne, bis über den Kopf, Armvoll и т. д. Как показал В. З. Панфилов, в истории всех языков были периоды, когда человек, осваивая идею количества, использовал свое тело вначале как своеобразную памятную книжку при наглядном установлении равночисленности конкретных множеств предметов, а затем опирался на те же анатомические представления, превращая некоторые конкретные множества в эталон для оценки мощности некоторых типов других множеств [6, с. 169, 171]. Конечно, применительно к современному высокоразвитому языку нельзя говорить о пережитках тех далеких эпох. На нынешнем, высшем этапе освоения категории количества человек полностью абстрагируется от качественных особенностей предметов счета. Тем не менее в бытовом словоупотреблении при обозначении неопределенного количества широко используются многие образы, связанные с телом человека.

Каждый из «образов языка» создает предпосылки для переноса значений тяготеющих к нему слов. Фактически уже в прямом значении такие слова имеют потенциальную сему НБК, которая остается на периферии значения при стандартной сочетаемости слов. Но сема НБК становится центральной или даже единственной при ее актуализации такими средствами, как сдвиг в сочетаемости с семантическими классами, использование специальных актуализаторов типа ganz, словообразовательные модели и предложные конструкции (haufenweise, in Haufen, zu Bergen) и артикль (ср.: einen / den Berg besteigen, но ein Berg von Büchern).

Слова типа viel(e), сочетания типа eine große Zahl и числительные связываются с наименованиями любых явлений, а средства вторичной номинации — только или преимущественно с определенными семантическими классами. Это обстоятельство делает ука-

занные явления принципиально различными. Если связи наименования НБК с более узкими классами достаточно устойчивы, возникает избыточность информации за счет дублирования признака (wie Neu так же подразумевает Geld, как, например, wiehern — Pferd). Однако чаще встречаются случаи не абсолютной закрепленности наименования за единственным классом, а высокой вероятности сочетаемости со многими классами. Так, Berg в переносном значении подразумевает предметы, способные лежать в виде неупорядоченной груды (ein (ganzer) Berg von Schnee, Kisten, Büchern, Akten, Strümpfe) и допускает смысловой оттенок *давящий груз* — о чем-либо тяжелом или неприятном (ein Berg von Sorgen lastet auf uns; ср.: Wenn sie allein im Hause blieb vor einem Berg von Arbeit... (Seghers); In New York aber erwartete ihn... ein Berg von Arbeit (Kellermann)).

Микросистема средств выражения НМК построена по тому же принципу, что и предыдущая. В центре ее также находятся два ряда средств прямой номинации: слова и сочетания, прямым значением которых является НМК, и свободные словосочетания из двух взаимодополняющих друг друга классов (со значениями *количество (число) часть и малый*). Таковы, например, ein wenig, wenige, bitterwenig, blutwenig, eine Wenigkeit, nicht viel, das Geringe, ein bißchen и др. и аналитические наименования типа eine kleine, unbeträchtliche Zahl, Portion, Summe, ein geringer Umfang, in geringem Ausmaß и пр.

Средства вторичной номинации в этой системе также распределяются по открытым рядам, которые обычно имеют соответствие (свою противоположность) в системе НБК. Но число этих рядов вдвое меньше, чем в предыдущей системе, и большинство из них реализовало свои возможности заметно слабее. Ряды концентрируются в такие группы языковых образов, как образы *малого* (числа, меры, куска, дозы, вместилища и т. д.), *малых или слабых природных явлений*, *слабого, неполного и т. п.* Например, слова и фразеологизмы типа ein Tropfen, ein Tropfen im Meer, ein Tropfen auf den heißen Stein, tropfenweise, tröpfeln, tropfen, eine Lache и подобные объединяются образом *малого количества воды*, sickern, rinnen, rieseln, ein Rinnsel — образом *слабого движения малого количества воды*, eine Bohne, ein Korn (Körnchen), ein Pfifferling — образом *единичных мелких плодов и т. п.*

Относительность НБК и НМК ведет к тому, что некоторые языковые формы могут воплощать то одно, то другое понятие в зависимости от нормы, с которой сравнивается некоторое множество или величина. Норма может быть закреплена в языковом узусе: так, число sieben по традиции, восходящей по меньшей мере к Библии [11, с. 559], означает множественность (ein Buch mit sieben Siegeln; sieben Greuel im Herzen haben; sieben auf einen Streich; Siebenmeilenstiefel; in sieben Sprachen schweigen и т. д.), а в выражении seine Siebensachen packen — НМК [10, с. 453]. Возможно эксплицитное упоминание нормы в ближайшем контексте (узуальном

или окказиональном): Maulwurfshaufen(-hügel) выражает идею НМК только в противопоставлении слову Berg во фразеологизме aus dem Maulwurfshaufen einen Berg machen; Insel как выразитель идеи НМК противостоит образу больших площадей воды (Meer) или водных потоков (Flut): Es war eine stille Insel in der steinernen Häuserflut (Remarque).

В тексте смыслы НБК создаются прежде всего благодаря использованию лексико-фразеологических средств, нередко с добавлением актуализаторов, интенсификаторов (усилителей), модераторов (средств ослабления), иногда — для данных значений редко — аппроксиматоров (средств приблизительности). Как правило, в семантике предложения создается определенная избыточность за счет употребления средств, передающих ту же информацию. Например, в предложении Die Gäste haben Berge von Kuchen verzehrt смысл НБК основывается не только на семантике слова Berg в переносном значении, но и на множественном числе этого слова, а также существительного Kuchen и на семантике глагола verzehren, имплицитующего большое количество объекта (объектов). В предложении Der Rudel der Blockführer zerstreute sich auf die einzelnen Blockkarrees (Apitz) смысл НБК передается словом Rudel и поддерживается множественным числом определения к нему der Blockführer и семантикой глагола sich zerstreuen, имплицитующего множественность своих актантов. При этом в тексте возникают речевые образы, которые основываются на системе образов языка.

Наряду с лексико-фразеологическими средствами выражения НБК и НМК используются средства поля количества, выражающие те же значения, как, например, специальные синтаксические конструкции: Frage über Frage werden gestellt, Schar um Schar flog über uns hinweg и т. п. Показательно, что такие конструкции нередко перефразируются в немецком языке и переводятся на русский язык лексическими средствами: Schar um Schar — mehrere Scharen; Uniform über Uniform — *сплошные мундиры*; Hier lagerten Soldaten über Soldaten (Noll) — *Здесь все было забито солдатами*.

В предыдущих случаях для передачи одного и того же значения использовались семантически близкие группы языковых средств, синонимы в широком смысле этого термина. Но и такие явления, как *полная мощность множества* — НБК, *полное отсутствие* — НМК, оказываются психологически взаимосвязанными, хотя лингвистически и логически они достаточно далеки друг от друга. Поэтому в обиходно-экспрессивной речи Er hat mir nichts gegeben нередко означает НМК, так же, как alle sind schuldig может означать всего лишь НБК. При этом нужно принять во внимание относительность понятий неопределенно большого и малого количества: здесь проявляется стремление максимально убедить собеседника. Смежной с НМК сферой являются также кванторные прилагательные со значением неопределенного количества вообще, например, einige, etliche и т. п.

Наконец, следует учесть взаимодействие различных функционально-семантических полей (количества, темпоральности, актуальности и др.) при воплощении тех или иных смыслов в речи. С этой точки зрения становится понятным, что при имплицировании многочисленности или малочисленности актантов такие наречия, как *oft* или *selten* оказываются синонимичными с *viele* или *wenige* (Er wurde oft gehaßt равно Er wurde von vielen gehaßt).

Список литературы: 1. Акуленко Л. Г., Клименко Н. Л. О выражении категории количества в языке.— Структ. и мат. лингвистика. Киев, 1975, вып. 3, с. 11—17. 2. Акуленко Л. Г. Семантические системы неопределенно большого и малого количеств в немецком и русском языках (Сопоставительный анализ).— Вестн. Харьк. ун-та, № 170. Иностр. языки, вып. 11. Харьков, 1978, с. 7—13. 3. Аспекты семантических исследований / Под рук. Н. Д. Арутюновой, А. А. Уфимцевой.— М.: Наука, 1980.— 357 с. 4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке.— М.: Просвещение, 1969.— 184 с. 5. Ефимов В. И. Определение качества и количества как система дефиниций.— Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1973.— 96 с. 6. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты.— М.: Наука, 1977.— 287 с. 7. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанов, Р. З. Мурзов и др. Под рук. М. Д. Степановой.— М.: Рус. язык, 1979.— 536 с. 8. Черданцева Г. З. Язык и его образы (Очерки по итальянской фразеологии).— М.: Междунар. отношения, 1977.— 167 с. 9. Языковая номинация: Общие вопросы / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой.— М.: Наука, 1977.— 359 с. 10. Borchardt-Wustmann-Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert.— 7. Aufl.— Lpz.: VEB F. A. Brockhaus, 1955.— 539 S. 11. Paul H. Deutsches Wörterbuch.— 6. Aufl.— Halle / Saale: VEB Max Niemeyer Verl., 1955.— 582 S.

Поступила в редколлегию 10.10.80.

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ФОРМАМИ ВРЕМЕНИ И НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной отечественной и зарубежной англистике схемы трехчленных оппозиций времени и наклонения все чаще подвергаются критическому пересмотру [4], который можно, по-видимому, считать вполне своевременным и обоснованным. Действительно, термин «будущее в прошедшем», например, не раз являлся причиной попыток пересмотреть систему оппозиций, представляющих категорию времени в английском языке.

Ранее [3] мы обсуждали предлагаемые лингвистами альтернативы оппозиции категории времени «прошедшее — настоящее — будущее». Наиболее простой и аргументированной представляется теория Л. С. Бархударова [1]. Он строит оппозицию «прошедшее — непрошедшее», а все формы с *shall* и *will* рекомендует рассматривать наряду с другими сочетаниями «модальный глагол + инфинитив». Однако некоторые факты языковой действительности

не позволяют безоговорочно принять его точку зрения. Как известно, вспомогательные глаголы *shall* и *will* (или, может быть, только *will*) имеют усеченную форму 'll, в то время как недостаточные модальные глаголы в английском языке могут лишь редуцироваться. Приписываемые формам с *shall* и *will* модальные оттенки в других языках часто выражаются синтетическими формами будущего времени. Наблюдается также тенденция к вытеснению *shall* глаголом *will* в футуральных конструкциях [2], что в конечном итоге приведет к устранению еще одного признака, стиличающего эти конструкции от других аналитических форм.

Предлагались и другие пути решения данной проблемы. В работе [3] описана модификация предложенной Б. С. Хаймовичем и Б. И. Роговской «категории следования», где категория времени представлена оппозицией «прошедшее — непрошедшее», а категория следования — оппозицией форм *work(s) — shall/will work; worked — should/would work*. Необходимо отметить, что данная схема имеет свои недостатки. Во-первых, не вполне приемлем термин «категория следования», так как он отражает семантику только одного (правого) члена оппозиции, а не значение, присущее им обоим. Во-вторых, форма «непрошедшее время следования» не имеет (по понятным причинам) типичного для других форм непрошедшего времени окончания *-s*.

В. П. Кобков [6] выдвигает теорию, согласно которой форма *Future-in-the-Past* и формы *Present-in-the-Past* и *Past-in-the-Past* (омонимичные формам *Past Indefinite* и *Past Perfect*) образуют самостоятельную грамматическую категорию — категорию (временной) соотносительности. Термин этот неудобен тем, что в лингвистической литературе он закреплен за категорией, представленной оппозицией «перфект-неперфект». Сам же подход представляется интересным. В самом деле, времена в косвенной речи, вводимой глаголом в прошедшем времени, в английском языке выражены не абсолютно («прошедшее—настоящее—будущее»), а относительно («предшествование—одновременность—следование»). Все формы, выражающие «предшествование—одновременность—следование», соотносятся только с одним временем — прошедшим. Представляется возможным считать формы, образующие последний ряд, формами категории «временной репрезентации», где противопоставляются «абсолютная репрезентация» с набором форм, выражающих «прошедшее—настоящее—будущее», и «относительная репрезентация» с набором форм, выражающих «предшествование—одновременность—следование». Но и этот подход снимает проблему «будущего в прошедшем» лишь в том случае, если подразумевать, что основы глаголов *shall* и *will* выражают только «следование», а будущее время выражается этими основами лишь в сочетании с окончанием *-ll*. В формах же с *should* и *would* передается только значение «следования», а окончание *-d* соотносит его с прошедшим временем. Таким образом, формы с *should* и *would* выражают не «будущее в прошедшем», а «послепрошедшее».

Предлагался и четвертый путь решения проблемы «будущего в прошедшем» [7] — отказ от постулата о взаимоисключаемости форм, конституирующих грамматическую категорию. Но, как справедливо отмечает В. П. Кобков, такое необычное решение может быть предложено лишь в результате более глубокого и обобщенного исследования, выходящего за рамки видовременных глагольных форм.

Итак, каждый из рассмотренных нами путей решения проблемы «будущего в прошедшем» имеет свои достоинства и недостатки и может быть принят лишь с некоторыми оговорками.

Предыдущие рассуждения помогут нам решить (или приблизиться к решению) проблему аналитических форм «кондиционалиса» в английском (и других германских языках). О них много и давно спорят, часто забывая о том, что они не имеют своих особых вспомогательных глаголов. Л. С. Бархударов несомненно прав, полагая, что предложенное им решение проблемы аналитических форм будущего автоматически снимает проблему аналитических форм наклонения в английском языке [1, с. 130]. Рассмотрим несколько примеров из английского и немецкого языков: *I would not have gone if I could have helped it (The Guardian)*. *Had I seen the script beforehand, I, too, would not have attended (The Guardian)*. *Würde es sie nicht noch fester an Manfred binden, ohne den sie niemals!—den Mut zu eine solchen Entschluß gefunden hätte? (Ch. Wolf)*. Если принять, что *had* и *could* — формы субъюнктива глаголов *have* и *can*, то *would* — субъюнктив *will* независимо от того, считаем мы его вспомогательным или же недостаточным модальным глаголом. Аналогично, *hätte* и *würde* в немецком примере — формы претерита конъюнктива глаголов *haben* и *werden*.

Вышеизложенное может показаться довольно тривиальным, но пренебрежение упомянутыми фактами приводит к спорам относительно количества форм наклонения, например в английском языке, и к не вполне соответствующим языковой реальности типологическим обобщениям [4].

Пересмотру подвергаются также синтетические формы, традиционно именуемые в английском языке формами повелительного и сослагательного наклонений.

Некоторые лингвисты считают, что императив является средством выражения модальности, а не побудительной целеустановки предложения [4]. С этим можно согласиться, но некоторые рассуждения вызывают возражения. Л. С. Ермолаева утверждает, что в плане выражения *help* в *Help me, please* ничем не отличается от соответствующей формы индикатива. Если вслед за ней считать форму императива глагола *be* реликтовым явлением, то приведенное выше высказывание вполне логично (правда, в других германских языках, и это известно Л. С. Ермолаевой, наблюдаются более существенные различия между формами индикатива и императива). Но такой подход (и отказ от традиционной трактовки *was*, *were*, *be* и т. д. как супплетивных форм глагола *to be*) не может быть при-

нят без развернутой и убедительной аргументации. Трудно согласиться с утверждением, что в английских предложениях типа *You go home* мы имеем дело с транспонированной формой индикатива. Если трансформировать такие формально одинаковые повествовательное и повелительное предложения в отрицательные, то получим: *You don't go home* (повествовательное). *Don't you go home* (повелительное). Как свидетельствуют Лич и Свартвик [10], *you* в повелительных предложениях (в отличие от повествовательных) всегда находится под ударением. По-видимому, *you* в некоторых повелительных предложениях следует считать не подлежащим, а особого рода обращением. Ср.: *You carry the table into the garden, Harry, and you girls take out some chairs. Mind your own business, you!* [9].

Многие лингвисты считают, что реликты древнеанглийского презенса субъюнктива слились с формами императива. Л. С. Бархударов [1] пишет, что последние выражают прямое побуждение, а первые — косвенное. Кроме того, в императиве отрицательная форма образуется с помощью вспомогательного глагола *do*, тогда как опрос информантов показал, что формы *go*, *be* и *pr.* в придаточных дополнительных после глаголов *demand*, *insist*, *suggest* и т. д. в большинстве случаев сочетаются просто с *not* в препозиции, например: *He suggested they not use long words*. Из опрошенных нами 23 англичан и 14 американцев в дополнительных придаточных после *insist*, *suggest* и т. д. (заданная ситуация требовала отрицания) 19 англичан употребили *should not* или *shouldn't*, 1 — *they not use*, 3 — *they don't/didn't use long words*; 11 американцев (а именно для них характерен так называемый реликт субъюнктива) употребили *they not use*, 2 — *should not* и 1 — *I insist he does not go out boxing*. Количество информантов невелико и не позволяет утверждать с абсолютной уверенностью, что реликтовый презенс субъюнктива употребляется только с *not* без вспомогательного глагола *do*, а ответы, содержащие *do*, не всегда могут быть истолкованы однозначно*. Однако эти результаты свидетельствуют о том, что мнение Л. С. Бархударова скорее отражает тенденцию к сближению форм императива и реликтов презенса субъюнктива, а не конечный результат такого развития. Решение же данной проблемы зависит не столько от усилий лингвистов, сколько от дальнейших путей развития этих форм.

Почти то же самое можно сказать относительно слияния форм претерита индикатива и субъюнктива. Как показало наше исследование на материале газетных текстов и опроса информантов, доля *were* по сравнению с *was* в конструкциях со значением нереальности (с подлежащим в единственном числе) в основных вариантах английского языка — британском и американском — пре-

* Согласно нормам английского языка употребление *do/does* после *insist* или *suggest* сигнализирует об изменении значений этих глаголов. Считаем поэтому необходимым подчеркнуть, что ситуация, заданная информантам, исключала употребление *insist* в значении «настоячиво утверждать», а *suggest* — «предполагать; внушать мысль».

вышает 50%, как и в канадском; в австралийских газетных текстах чаще употребляется *wege*, и только в устной разновидности австралийского варианта и устной и письменной разновидностях новозеландского преобладает *was* [2]. Таким образом, все еще приходится говорить об омонимии форм претерита индикатива и субъюнктива, так как у некоторой их части существуют формальные различия.

Если обратиться к теории Л. С. Ермолаевой [4], то индикатив, императив и реликты презенса субъюнктива в английском языке объединяются в одну систему форм реализа, противопоставленную системе форм ирреализа, а отказ от концепции аналитических форм кондиционалиса упрощает описание системы форм ирреализа. Здесь остается только одна проблема, которая пока что, благодаря различию форм глагола *be* в реализе и ирреализе, решается вполне однозначно, хотя для остальных глаголов эти различия обнаруживаются главным образом в синтагматике. Основные и все еще нерешенные однозначно проблемы находятся в пределах системы форм реализа.

Возможно, права О. А. Смирницкая, которая считает, что вряд ли следует видеть цель исследования словосочетаний с *shall* и *will* в непротиворечивом распределении их между футурумом и составным сказуемым [5]. Ее слова, кажется, справедливы и для других аналитических форм, даже тех, относительно статуса которых у лингвистов обычно не возникает сомнений. Ср.: *He was in shirtsleeves and bleeding from the arm* (*The Morning Star*). Как видим, одно слово *was* выступает одновременно в функции вспомогательного глагола (слова-морфемы) и глагола-связки. Такие примеры, правда, встречаются довольно редко, поэтому мы решили предъявить данное предложение десяти носителям языка, и все они восприняли его как правильное, а дававшееся параллельно *He was wounded and bleeding from the arm* было отвергнуто как неправильное двумя из них.

Исходя из вышеизложенного, позволим себе заметить, что исследователям нужно искать новые пути решения затронутых проблем и, возможно, в стороне от традиционных методов.

Список литературы: 1. *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. школа, 1975. — 156 с. 2. *Дородных А. И.* Вариативность глагольных средств выражения модальных значений в современном литературном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976. — 24 с. 3. *Дородных А. И.* О категории следования в английском языке. — Вестн. Харьк. ун-та, № 196. Иностр. языки, вып. 13. Харьков, 1980, с. 3—6. 4. *Ермолаева Л. С.* Типология системы наклонений в современных германских языках. — ВЯ, 1977, № 4, с. 96—106. 5. Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / Под ред. В. Н. Ярцевой и др. — М.: Наука, 1972. — 192 с. 6. *Кобков В. П.* О месте «будущего в прошедшем» в системе грамматических категорий английского глагола. — В помощь преподавателям иностранных языков, вып. 3. Новосибирск, 1972. — с. 60—87. 7. *Плоткин В. Я.* О принципе бинарности в строении английской видовойременной системы. — Филол. науки, 1965, № 2, с. 69—75. 8. *Смирницкий А. И.* Морфология

английского языка.— М.: Изд-во иностр. лит., 1959.— 440 с. 9. *Hornby A. S. A guide to patterns and usage in English.* Ldn: Oxford Un-ty Press, 1966.— 261 p. 10. *Leech G., Svartvik J. A communicative grammar of English.*— Ldn: Longman, 1975.— 324 p.

Поступила в редколлегию 14.10.80.

В. И. КАРАВАШКИН

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИТНОЙ СИСТЕМЕ

Сложные слова в современном немецком языке представляют собой в функциональном отношении единую, хотя и многогранную систему, составные части которой перекрещиваются, входят одна в другую, оказывают влияние друг на друга [14]. Но системный характер словосложения не следует понимать как полное отрицание наличия единичных явлений. М. Д. Степанова подчеркивает, что «именно перекрещивание систем и закономерностей отдельных элементов языка создает ту благоприятную почву для отклонения от норм, что, однако, не нарушает стройности системы, наоборот, сами отклонения стремятся влиться в какие-то общие рамки» [14, с. 9]. В систематизации «несистемного» и заключена диалектика языка, его динамика. Диалектика языка, пишет В. Хартунг, состоит в том, что «несистемное» систематизируется. Если бы этого не было, то язык через некоторое время превратился бы в хаотический конгломерат несвязанных единиц и не смог бы служить целям коммуникации [20].

Под композитной системой понимается совокупность словосложительных моделей языка, обусловленных композитным значением и композитным формантом в их тесном взаимодействии.

В настоящее время исследователи словообразования пришли к единству в понимании центральной единицы словообразовательной системы, хотя терминологический разноречивый имеет место (тип, схема, образец, структура, модель). Вслед за М. Д. Степановой, словообразовательная модель для нас — это «стабильная структура, обладающая обобщенным лексико-категориальным (десигнативным) значением и способная наполняться различным лексическим материалом» [15, с. 149]. Многие исследователи в своих дефинициях подчеркивают двуплановость словообразовательной модели, ее обобщенный характер и зависимость от тех материальных средств, с помощью которых она строится. Словообразовательная модель как особая языковая единица, говорит М. С. Малеева, может быть определена через совокупность компонентов-признаков, выявляемых в системе языка, ибо сама модель не является объектом непосредственного наблюдения. Автор считает, что центральное место в структуре словообразовательной модели занимают шесть компонентов-признаков. Это семантика модели, семантическая словопроизводная связь, семантическая база словопроизводства, формальная база словопроизводства, формальная словопроизводственная связь, формальный показатель модели. Каждый из перечисленных признаков характеризуется бинарностью его про-

явления в языковой системе, так как он одновременно и что-то «запрещает», делает невозможным, и что-то «разрешает», допускает возможность. Следовательно, в языке любой из существенных признаков словообразовательной модели может быть представлен как некоторое соотношение запретов и возможностей, которые существуют в языковой системе [10, с. 80, 83]. Для синхронного же изучения словообразования лингвисты считают важным выделение релевантных словообразовательных моделей, под которые могут быть подведены структуры современного языка [15, с. 117]. Некоторые ученые высказывают опасения, что стремление к выведению абстрактных образцов приводит к удалению из описания каких-то фактов языка. Так, например, В. И. Максимов, критикуя стремление авторов «Грамматики-70» рассматривать грамматические явления «с точки зрения лежащих в их основе абстрактных схем (образцов) и их регулярных реализаций (манифестаций)», усматривает в этом такой способ описания, при котором языковые факты либо подгоняются под заранее созданные предельно формализованные схемы (модели), либо игнорируются как несоответствующие определенным теоретическим установкам [9, с. 37]. Против этого совершенно справедливо возражают В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, утверждая, что стремление к выведению абстрактных образцов способствует не удалению из описания каких-то фактов языка, а, наоборот, более полному их описанию, если эти образцы выводятся из функционирования реальных языковых единиц [8, с. 39]. В целях более глубокого познания языка в целом, как и отдельных его фрагментов (в частности, системы словообразования), лингвисты указывают на необходимость определить всю систему словообразовательных моделей языка, т. е. его основные деривационные возможности на определенном этапе его функционирования. Таким образом может быть сконструирована его общая словообразовательная модель [15, с. 150]. Е. С. Кубрякова справедливо расширяет задачу, говоря о том, что на основании выделения таких моделей родственных языков может быть выявлена их общая типологическая модель [15]. Основные словообразовательные модели немецкого языка, по которым происходит образование новых слов, выявлены М. Д. Степановой [15]. Из общего количества выявленных моделей две — модели словосложения, которые обладают широкими деривационными возможностями и отличаются своей продуктивностью. Предельно ограниченное число типовых структур создает широкие возможности немецкой композитной системы, что послужило лингвистам основанием для утверждения о безграничных возможностях немецкого словосложения. Однако категоричность такого утверждения вызывает сомнение. Очевидно, следует согласиться с Н. Н. Амосовой в том, что как бы ни были разнообразны сцепления данного слова с другими словами в речи, как бы ни были разнообразны речевые ситуации, в которых данное слово выступает в одном и том же определенном значении (т. е. сохраняет неизменной свою понятийную

соотнесенность), они далеко не безграничны, а, наоборот, имеют определенные границы [2, с. 9]. Совершенно прав В. Д. Девкин, утверждающий, что произвол словотворчества обуздывается контролем понятности и обязательного соблюдения словообразовательного правила, соответствия модели [4, с. 186].

Доказательством этого положения может, в частности, служить приведенный В. Мочем пример, в котором автор подвергает анализу возможные соединения из семи существительных (Katze, Lampe, Riese, Stein, Tisch, Gift, Staub) и шести прилагательных (leer, groß, alt, klar, frei, grün). Из потенциальных 42 комбинаций в языке функционирует только пять, а именно: riesengroß, sternenklar, steinalt, giftgrün, staubfrei [22, с. 41].

Создание членов того или иного композитного ряда может быть затруднено факторами фонетического, морфологического, структурного, стилистического порядка и др. Более детальное изучение всех указанных факторов, их взаимодействия может помочь уточнить наши представления о той или иной композитной модели и выявить диапазон ее возможностей.

В результате актуализации композитных возможностей возникает новая единица, сложная как в формальном, так и в содержательном плане. Некоторые исследователи считают сложными такие производные, которые обладают только семантической сложностью. Например, Р. И. Лихтман считает, что единственной объяснительной сложностью в слове, говорящей о его производности, является сложность семантическая [7, с. 135]. Далее подчеркивает еще раз, что «... для производного слова обязательна лишь большая семантическая сложность по сравнению с производящим, но не формальная» [7, с. 138].

А. Митран, указывая на недостаточность признака семантической сложности, которому придают большое значение также А. Дармстетер, Ф. Брюно, Ш. Балли, наряду с этим считает важнейшими критериями морфологический, функциональный и критерий частотности [16, с. 41, 73]. Мы разделяем точку зрения В. Н. Ерхова о том, что регулярность воспроизведения модели заставляет усомниться в справедливости утверждения лингвистов, согласно которому между компонентами сложения возможно только семантическое взаимодействие [5, с. 4].

«Сложность» композит обеспечивается, с одной стороны, сложностью словообразовательного значения, а с другой — сложностью словообразовательного форманта, которые мы называем соответственно композитным значением и композитным формантом.

Следует заметить, что до настоящего времени отсутствует единое понимание словообразовательного значения. Авторы «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка» (1979) определяют данное понятие как одно из значений словообразовательного элемента, реализуемое в соответствующем производном слове, например, у существительного *Lehrer* словообразовательное значение равно значению активного лица, у существительного

Bohrer — инструмента и т. д. [13, с. 522]. Понимание словообразовательного значения как общего значения, придаваемого суффиксом группе однотипных слов, встречающееся в работах ученых, является, по мнению А. Я. Алексеева, недостаточным уже по той простой причине, что словообразование как самостоятельная дисциплина не ограничивает свой предмет сферой деятельности суффикса, а изучает наряду с суффиксальным способом словопроизводства и другие известные типы и пути образования слов [1, с. 7]. В этой связи представляется необходимой целесообразность раздельного подхода к определению словообразовательного значения в случаях словопроизводства и словосложения, что вызвано спецификой каждого из них.

Словообразовательным значением при чистом сложении авторы «Грамматики-70» считают значение объединения, подобное, например, значению соединительных союзов [19, с. 42]. В немецких композитах наблюдается:

1. Совмещение структур, т. е. чисто материальное совмещение. Две (и более) самостоятельно функционирующие в языке единицы при определенных условиях соединяются в один цельнооформленный комплекс, причем совмещение может быть контактным и дистантным. В случаях контактного совмещения речь идет о цельнооформленных комплексах, дистантного — о раздельнооформленных единицах.

Цельнооформленность и раздельнооформленность (А. И. Смирницкий) — это существенные характеристики сложного слова. Однако критерий цельнооформленности не всегда бывает достаточным. За формальной цельнооформленностью часто скрывается семантическая расчлененность, в то же время за формальной расчлененностью может скрываться совершенно явное семантическое единство. Подтверждением тому могут служить исследуемые нами композиты.

2. Совмещение значений исходных единиц. Степень совмещения значений исходных единиц может быть различной. Эта разностепенность послужила лингвистам основанием для классификации сложных слов на цельнонаправленные и раздельнонаправленные (М. Д. Степанова). Роль этого фактора значительна. По мнению Н. Д. Шмелева, совмещение значений создает тот эффект «смысловой емкости», «смысловой многоплановости слова», который постоянно обращает на себя внимание исследователей [18, с. 77].

3. Совмещение функций. Известно, что словосложение в немецком языке полифункционально, оно выполняет функции словообразовательную и выражения «синтаксических отношений», которые мы называем базовыми¹. Говоря о раздельнонаправленных

¹ В глубинной структуре имеют место семантические отношения, в поверхностной — синтаксические и словообразовательные. Синтаксические могут модифицироваться в словообразовательные и наоборот. В случаях и «свертывания» и «развертывания» определенных языковых единиц имеют место базовые отношения, т. е. те, которые представляют собой исходную базу для появления композит.

компози́тах, М. Д. Степанова считает, что словосложение в них выражает свою вторую функцию, а именно, функцию выражения отношений, а композиты представляют собой своеобразные цельно-оформленные синонимы свободных словосочетаний. В целом же для немецкого словосложения ведущей функцией М. Д. Степанова считает словообразовательную [14, Заключение]. Однако в составе сложнопричастных соединений, по мнению К. О. Мурзабековой, словообразовательная функция отступает на задний план, «в данном случае словосложение представляет собой в первую очередь один из способов выражения синтаксических отношений» [11].

Как видим, признавая двухфункциональность немецких композит, разные авторы отдают предпочтение той или другой функции. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые видят в немецком словосложении совмещение двух функций (В. Н. Ерохов, А. А. Сакулин).

Так, А. А. Сакулин пишет: «Для немецкого словосложения характерно совмещение двух выполняемых функций (синтаксической и словообразовательной), и игнорирование той или другой является неправомерным» [12, с. 153]. Разделяя изложенную точку зрения, считаем, что указанные выше функции тесно связаны одна с другой и выделять одну из них неправомерно по той причине, что сдвиг в одном плане непременно ведет к сдвигу в другом. Более того, их взаимодействие является настолько тесным, что следовало бы говорить о *двуединой функции*, что в большей степени соответствует характеру немецких композит, исключая, естественно, случаи лексикализованных единиц. При этом под двуединой функцией подразумевается словообразовательная и выражения базовых отношений в их неразрывном единстве.

4. Совмещение связей. В составе свободного базового словосочетания постоянно существует заложенная в самой его форме тенденция к переразложению связей между компонентами, на что указывает Н. Ю. Шведова [17]. Переразложение связей в словосочетаниях ведет к совмещению связей в композитах. Совмещение связей в одной структуре усиливает ее эмоциональную насыщенность.

Э. Бенвенист говорит о двойной предикации (качества и атрибуции) [3, с. 250]. А. И. Комаров видит в субстантивных сложных словах каузальную зависимость через объяснительную связь [6, с. 43—44]. Помимо этого в сложных словах нередко совмещаются эмоционально-экспрессивные и функциональные стилистические окраски, что выходит за рамки рассматриваемого уровня, а является компетенцией уровня коннотации и может быть целью специального исследования.

Итак, значение совмещения, выражающееся в совмещении исходных структур, значений, функций и связей, является для нас *композитным значением*.

В состав композитного форманта входят следующие составляющие:

1. Интерфикс, в том числе и нулевой, сигнализирующий о нейтрализации грамматического значения слабого компонента.

2. Закрепленный порядок следования компонентов. В данном случае имеет место закон словообразовательной инверсии, сущность которого заключается в том, что при словосложении компоненты располагаются контактно в обратной последовательности. Например, словосочетание *müde von der Arbeit* подвергается композитной деривации в инвертированном порядке следования компонентов: *arbeitsmüde*.

3. Единое главное ударение, преимущественно на первом компоненте.

М. Д. Степанова считает, что тенденции к все более тесному слиянию частей лексических единиц проявляются и в изменениях в составе и семантике сложных слов: создаются стандартные структурно-лексические модели с общим первым и вторым компонентом, на базе которых образуются новые словообразовательные средства — «полуаффиксы», из которых иногда развиваются настоящие аффиксы, но которые представляют собой устойчивую в своей основе категорию. Компонент сложного слова может рассматриваться как словообразовательное средство при взаимодействии двух условий: его омонимичности по отношению к опорному слову или значительной степени десемантизации и, одновременно, при продуктивности модели со сходной структурной и семантической мотивированностью, обусловленной употреблением общего компонента [14]. Серийное употребление первых компонентов способствует пополнению класса префиксальных формантов, вторых — класса суффиксальных формантов. Творчество новых аффиксов за счет основ — господствующая тенденция именного строя. Этот закон, открытый еще И. А. Бодуэном де Куртенэ и Н. В. Крушевским, сохраняет свою силу и для современного языка, в чем наглядно проявляется динамика словообразовательной системы.

Список литературы: 1. Алексеев А. Я. О словообразовательном значении. — В кн.: Словообразование и фразеобразование: Тез. докл. науч. конф. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1979, с. 7—9. 2. Амосова Н. Н. Слово и контекст. — В кн.: Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, с. 3—23. 3. Грамматика современного русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1970. — 767 с. 4. Деккин В. Д. Немецкая разговорная речь. — М.: Международные отношения, 1979. — 253 с. 5. Ерхов В. Н. Сложные существительные-соединения в современном немецком языке и их отношение к синтаксису: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1979. — 19 с. 6. Комаров А. П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1973. — 69 с. 7. Лихтман Р. И. К вопросу об основных понятиях словообразования. — Изв. АН СССР. Серия лит. и языка, 1973, т. 32, вып. 2, т. 132—140. 8. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Теория грамматики и практика грамматического описания. — ВЯ, 1978, № 1, с. 38—50. 9. Максимов В. И. Грамматическая теория и практика изучения языка. — ВЯ, 1977, № 1, с. 28—38. 10. Малеева М. С. Проблема словообразовательной модели в современной лингвистике. — Проблемы ономастологии: Науч. труды Курского пед. ин-та, 1974, т. 21 (114), с. 76—93. 11. Мурзабекова К. О. Сложнопричастные

соединения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1963.— 22 с. 12. Сакулин А. А. К вопросу о семантике немецких субстантивных композитов в так называемых неправильных соединениях.— Словообразование и его место в обучении иностр. языку. Владивосток, 1975, № 3, с. 145—153. 13. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка.— М.: Рус. яз., 1979.— 536 с. 14. Степанова М. Д. Словосложение в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— Л., 1960.— 60 с. 15. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики.— М.: Высш. школа, 1968.— 200 с. 16. Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Я. Н. и др. Немецко-русские языковые параллели.— М.: 1961.— 302 с. 17. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе.— М.: Просвещение, 1966.— 156 с. 18. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.— М.: Наука, 1973.— 279 с. 19. Benvenist E. Problèmes de linguistique générale.— Paris: Gallimard, 1966.— 345 p. 20. Hartung W. Systembeziehungen der kausalen Konjunktionen in der deutschen Gegenwartssprache.— Berlin, 1961.— 79 S. 21. Mitterand H. Les mots français.— Paris, 1963.— 263 p. 22. Motsch W. Zur Stellung der Wortbildung in einem formalen Sprachmodell.— *Studia grammatica*. Berlin, 1962.— 247 S.

Поступила в редколлегию 11.11.80.

Е. В. КУРОВСКАЯ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ НОМИНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ $V_{have}N_{abs}$

Одной из наиболее характерных особенностей языка является его вариативность.

В каждой сфере варьирования имеет, естественно, свою специфику. Особенными оказываются как сами варианты, так и их соотносительность. Это проявляется на всех уровнях реализации языковых единиц, в синтаксических конструкциях, в сочетаниях слов и семантической структуре отдельных лексем.

Вариативность языка с точки зрения соотносительности вариантов в пределах его грамматической системы в большой мере связана с активизацией семантических процессов номинализации, в которой далеко не последнее место принадлежит развернутым номинативам различных структурно-семантических типов. Обращение к этим средствам языковой номинации дает возможность дифференцированно передавать тонкие нюансы языковой интерпретации, весьма существенные для восприятия содержания высказывания. Изучение вариативности языка на этом уровне ставит проблему системного изучения не только грамматической семантики номинативов, но и стилистических аспектов номинализации этого типа.

Объектом нашего внимания является именная модель $V_{have}N_{abs}$, базирующаяся на одной из наиболее сильных форм синтаксической связи — связи глагола с прямым дополнением. В речевой реализации данной модели представляется целесообразным выделить:

1) событийные предикаты: "What's the good of having war?" [17, p. 44].

2) предикаты бытийных предложений, относящиеся к микромиру человека — его состояниям (а), психическим и физическим свойствам (б), манерам (в), ощущениям (г), взглядам (д), эмоциональному и интеллектуальному содержанию (е): а) "John was at his prime: whatever despair and frustration he had..." [3, p. 176]; б) "I have many afflictions, but I have not gone deaf" [18, p. 90]; в) "The colonel had good manners and he answered with proper civility..." [11, p. 150]; г) "He had a pain over his heart..." [17, p. 74]; "Jo comes on... She has a heavy cold" [6, p. 39]; д) "No one had seemed to have any very decided views about him" [5, p. 50]; е) "... He had a certain acrid courage and a certain will-to-power" [10, p. 120]; "...You had genius and intellect" [19, p. 88];

3) предикаты реляциональные, отношения к другим людям: "I need have no consideration for her now, she has not a grain of it for me" [8, v. 3, p. 192];

4) предикаты качественной характеристики лица или не-лица: положительная оценка: "... It had a stately beauty, a mellowed dignity that Gerald's house did not possess" [14, p. 94]; отрицательная оценка: "He had only one defect as a chauffeur. He couldn't drive a car" [9, p. 305];

5) предикаты умственного восприятия: "He had an instructive and rather charitable knowledge of the weakness of men and women" [7, p. 154].

Грамматическая семантика развернутых номинативов исследуемого типа определяется в основном имплицативными характеристиками именного компонента. В качестве грамматически зависимого, а семантически основного компонента выступают главным образом отглагольные существительные различных словообразовательных типов. Абстрактные существительные неглагольного происхождения в модели $V_{\text{have}}N_{\text{abs}}$ используются значительно реже. Сюда относятся предикаты типа *to have a moment's peace*, *to have a lasting misfortune*, *to have a sudden idea*, *to have another passion*.

В *have*-предикатах с аспектуальной характеристикой действия или состояния находим и деадъективные имена: "His father's face had a sudden grimness" [8, v. 3, p. 100].

Индикаторами указанных категориально-грамматических характеристик аспектуальности в различных условиях реализации модели $V_{\text{have}}N_{\text{abs}}$ могут являться: а) семантика именного компонента; б) артикль при именном компоненте; в) постановка именного компонента в форме множественного числа; г) семантика адъюнкта при именном компоненте.

В речевой реализации модели $V_{\text{have}}V_{\text{abs}}$ характерно ее использование как средства выражения пассивного значения: "That fellow to have her love where he had failed!" [8, v. 2, p. 209].

Семантическая емкость предикатов модели $V_{\text{have}}V_{\text{abs}}$ как иерархически более высокой единицы несомненно шире и отличается от монолексемы сходной семантики не только стилистиче-

скими характеристиками и сферой употребления, но и количественными параметрами. Выбор модели в синонимическом ряду определяется целью коммуникации, стилистической направленностью высказывания, языковым окружением.

Восполнение морфологии может происходить за счет синтаксических ресурсов языка, подобно тому как синтаксис внутренне обогащает стилистику [1, с. 119]. «Наращение изменений на определенном участке одного уровня языка, дающее накопление количества, может привести: 1) к переделу системы или 2) к переходу явлений из одного уровня в другой» [2, с. 85].

В речевой реализации текста глагольные и именные предикаты связаны между собой линией взаимных переходов, обусловленных заданием акта коммуникации. Соотносительность таких форм предикатива создает возможность выбора, они варьируются, заменяя друг друга, используются в одном ряду, в одном сложном синтаксическом целом: "Dr. Ferguson was surprised. But doctors do have these surprises" [4, p. 54].

Заслуживает внимания использование $V_{have}V_{abs}$ в случаях отсутствия простого глагола сходной семантики. Становление и функционирования таких средств языковой номинации в определенной мере восполняет систему глагола. В таких случаях нередко используется супплетивная номинализация глагольного предиката: "He knew nothing — had no notion" [8, v. 3, p. 217]; "He has no faith in that rot. He doesn't believe thah a kind word in time will right the wrongs of the world" [7, p. 125].

В активном функционировании развернутой номинализации $V_{have}V_{abs}$ особая роль принадлежит адъюнктам именного компонента, которые могут служить средством выражения не только аспектуальной и залоговой семантики, но и интенсификации значения: "She had a momentary feeling of being of supreme importance" [9, p. 161]; "Nan had her first shock of discovery..." [15, p. 128]; "I should have a good long lie tomorrow morning" [12, p. 264]; "Scarlett had a sudden treacherous desire to cry out" [14, p. 33]; "He had a last word with Ethel" [16, p. 177].

В семантическом варьировании have-предикатов при реализации в различных условиях контекста проявляются особые имплицативные характеристики, связанные с областью прагматики. Семантическое варьирование в рамках модели предположения дает основание утверждать, что их системные связи необходимо искать не только в границах денотативных значений, но и в терминах их коммуникативно-стилистических коннотаций. Прагматический аспект языка включается в сферу номинации в зависимости от соответствующего коммуникативного задания.

В этой связи не может не привлекать к себе внимания активное функционирование модели $V_{have}V_{abs}$, вызванное потребностями языковой экспрессии. Модель $V_{have}V_{abs}$ — открытая микросистема; расширяя семантический репертуар существительных, входящих в различные семантические типы предположения, она предо-

ставляет языку возможность при помощи одной синтаксической структуры передать самые разнообразные сообщения о жизни человека. Это прежде всего относится к стилистически отмеченным предложениям качественной характеристики: "They were alike, these du Mauriers, with their terrific spirits, their sudden depths of depression, their bursts of laughter, and their quick anger. They had the same little sadnesses, the same vivid, eager curiosity, the same passion for their children mingled with jealousy and pride. They had a certain youthfulness inbred in them — a look of eye, a tone of voice — that proved they would never grow old, and for all their love of life, and the world they lived in, they made haste to leave it" [12, p. 144].

Стилистическое использование номинативов способствует усилению их синтаксической мобильности, при которой реализуются потенциально заложенные в этих конструкциях структурные свойства и возможности. В экспрессивных целях при стремлении к устранению избыточных элементов речи применяют сложные описания-цепочки, состоящие из больших групп номинативных предложений, составляющих сверхфразовые единства. Межмодельные преобразования, использующие номинализацию такого типа, обуславливают возможность широкого варьирования грамматической организации предложения в соответствии с коммуникативно-стилистической направленностью высказывания.

В диалектической противопоставленности структурного и функционального аспектов языка, его формальных и смысловых тождеств развернутая номинализация сказуемого обогащает ресурсы синтаксической стилистики, повышая информативный коэффициент языка. Прагматический аспект речи предопределяет зависимость языковой номинации от соответствующего коммуникативного задания.

Список литературы: 1. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка. — М.: Наука, 1977. — 264 с. 2. Ярцева В. Н. Количественные и качественные изменения в языке. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука, 1970. — 383 с. 3. Bragg M. The hired man. — Moscow: Progress Publishers, 1979. — 216 p. 4. Christie A. Hallo- we'en Party. — S. I., Fontana, 1978. — 189 p. 5. Crispin E. The long divorce. — London: Penguin Books, 1961. — 191 p. 6. Delaney Sh. A taste of honey. — London: Methuen & Co, 1967. — 87 p. 7. Fitzgerald F. S. This side of Paradise. — London: Penguin Books, 1977. — 254 p. 8. Galsworthy J., v. 2: In chancery. — Moscow: Progress Publishers, 1974. — 303 p.; v. 3: To let. — Moscow: Progress Publishers, 1975. — 256 p. 9. Hemingway E. Selected Stories. — Moscow: Progress Publishers, 1971. — 397 c. 10. Lawrence D. H. Odour of Chrysanthemums and other stories. — Moscow: Progress Publishers, 1977. — 252 p. 11. Maugham W. S. The Colonel's lady. Another book for reading and discussion. — М.: Международные отношения, 1979. — 190 с. 12. Maurier D. Rebecca. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956. — 446 p. 13. Maurier D. Gerald. — London: Penguin Books, 1971. — 252 p. 14. Mitchell M. Gone with the wind. — London: Pan Books, 1979. — 1010 с. 15. Murdock I. The Sandcastle. — Л.: Просвещение, 1975. — 214 с. 16. Naughton B. Late night on Watling street: Short stories of out time. — London: George G. Harrar & Co, 1963. — 192 p. 17. Priestley J. B.

Angel pavement.— Moscow : Progress Publishers, 1974.— 503 p. 18. *Updike J.*
Of the farm.— London : Penguin Books, 1966.— 154 p. 19. *Wilde O.* The
picture of Dorian Gray.— Kiev : Dnipro Publishers, 1978.— 230 p.

Поступила в редколлегия 20.10.80.

И. П. ЛИПКО, З. Н. ЛИПКО, канд. филол. наук

**ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ С HAVE В PRESENT И PAST INDEFINITE
(НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Несмотря на то что структура вопросительных и отрицательных предложений с have в английском языке в течение длительного периода времени привлекает внимание многих исследователей [1—4; 6; 8—10], вопрос этот до конца не изучен ни в теоретическом, ни в практическом плане, что приводит к отсутствию четких практических рекомендаций.

Настоящая статья посвящена описанию сдвигов в структуре вопросительных и отрицательных предложений с глаголом have в британском варианте английского языка последних двух столетий. Что касается теоретической разработки проблемы вопросительных и отрицательных структур с have (в Present и Past Indefinite), то следует отметить полное отсутствие исследований, рассматривающих это явление в динамике, что затрудняет их теоретическое истолкование.

Выявляя специфику функционирования do-структур с глаголом have в сопоставлении со структурами без do, мы исследовали оригинальные английские тексты XIX—XX вв. Общий объем выборки составил 12 тыс. случаев (по 6 тыс. на каждое столетие). При анализе полученных данных применялись количественный, сопоставительный и семантико-структурный анализ.

Если принять все вопросительные предложения с глаголом have за 100%, то вопросительные структуры XIX в. с do составили 3%, без do — 97%; в XX в. — соответственно 29 и 71%.

Раздельное рассмотрение общих и специальных вопросов обнаруживает следующую картину. В первых наблюдается тенденция к увеличению удельного веса do-структур (в XIX в. — 3, в XX — 22%), во вторых отмечаем еще более значительный рост аналитических образований: структуры с do в XIX в. составили 5%, без do — 95%; в XX в. — соответственно 48 и 52%.

Тенденция к возрастанию количества do-структур характерна и для отрицательных предложений. В XIX в. они составили 4%, в XX — 26%.

Таким образом, количественный анализ нашей выборки показал явственную тенденцию к увеличению удельного веса do-структур.

Учитывая неразрывность диалектического единства коллигации и коллокации [2], мы сделали попытку проследить параллель-

ное употребление have-структур с вспомогательным do и без него в сочетаниях с различной семантикой, для чего было выделено несколько типичных групп.

Вопросительные предложения. А. Общие вопросы.

1. Have + существительные с конкретным значением:

XIX в. (с do — 14, без do — 86%) XX в. (с do — 21, без do — 79%)

С do

Did you ever have a watch, Jim? (J. Greenwood). It could be Hindu. Do you have a Dictionary of proverbs? (P. Shaffer).

Без do

Have you many books? (G. Eliot). Have you a spade? (G. Greene).
Have you a pocket-comb about you, sir? (Ch. Brontë). Have you your own camera? (D. du Maurier).

Интересно отметить параллельное сосуществование в XX в. do-структур со структурами без do в случаях идентичной или близкой семантики, например: Did you have enough money to set up a flower-shop? (A. Christie); Has he any money of his own? (N. Maynard).

2. Have + существительные с отвлеченным значением:

XIX в. (с do — 2, без do — 98%) XX в. (с do — 21, без do — 79%)

С do

Does he often have attacks like this? (L. Voynich) Do you have any hobbies? (Penguin Modern Stories)

Без do

Have you any reason for supposing that likely? (L. Voynich). Have you any reason to believe Mr. De Sousa? (A. Christie).
Had she any moral right to the name? (T. Hardy). Has she the right to abandon her mother? (F. King).

3. Have + одушевленные существительные:

XIX в. (100% — без do) XX в. (с do — 57, без do — 43%)

С do

Примеры не зарегистрированы. Do you ever have tourists here? (D. du Maurier).
Do you have a girl? (N. Maynard).
You mean, did she have an enemy? (A. Christie)

Без do

Have you many pupils, Mr. George? (Ch. Dickens). ...Have you friends? (A. Christie).

4. Have + anything:

XIX в. (100% — без do) XX в. (с do — 14, без do — 86%)

С do

Примеры не зарегистрированы. Did you have anything in mind when you left London? (D. du Maurier).

Без do

Have you anything more to say? (L. Voynich). Have we anything else to stay for? (Ch. Brontë).

Have you anything to tell me? (B. Shaw). Have you anything to give our children? (D. du Maurier).

Б. Специальные вопросы.

1. Have + существительные с отвлеченным значением:

XIX в. (100% — без do)

XX в. (с do — 28, без do — 72%)

C do

Примеры не зарегистрированы.

What kind of life did you have in Georgia? (N. Maynard).

Без do

"What business have you here?" she continued. It is not your place (Ch. Brontë). What business has she here abroad and alone? (W. Thackeray).

What business had they in this crowd? (J. Galsworthy). What news have you for me? (B. Shaw).

Сочетаний с have в значении, близком к think, в XIX в. не обнаружено, а в XX в. зарегистрированы случаи как с do, так и без него (соответственно 33 и 67%): What did you have in mind to ask us to do? (C. Watson). "What had you in mind, doctor?" he asked quietly (C. Watson). "What had you in mind?" asked Brown (C. P. Snow).

2. Have в значении завтракать, обедать и т. п. (только с глаголом do):

XIX в.

XX в.

Примеры не зарегистрированы.

What time did Henry have breakfast? (G. Greene). What did I have for lunch? (J. Galsworthy).

Несмотря на большой объем выборки, в XIX в. глагол have в специальных вопросах с дополнениями, обозначающими конкретные существительные, не зарегистрирован вообще, тогда как в XX в., по нашим предварительным данным, подобные вопросы строятся только с do-структурой.

Таким образом, мы пока воздерживаемся от окончательных выводов об использовании только do-структур в аналогичных случаях.

Отрицательные предложения. Для анализа отрицательных предложений мы также выделили несколько групп, по нашим данным, наиболее типичных:

1. Have + существительные, обозначающие конкретные предметы:

XIX в. (100% — без do)

XX в. (с do — 41, без do — 59%)

C do

Примеры не зарегистрированы.

He did not have the boxes much longer (J. Russell). He did not have the penny to pay for the tram (Penguin Modern Stories).

Без do

We haven't even a brush and comb (T. Hardy). I suppose Crawley had not a shilling in the world (W. Thackeray).

"I haven't any Sunday clothes", he said (J. Braine). I haven't a pencil or paper. I really can't be bothered (G. Greene). I haven't any money (S. Maugham).

2. Have + существительные с отвлеченным значением:

XIX в. (с do — 0,4, без do — 99,6%)

XX в. (с do — 21, без do — 79%)

C do

I didn't have time to count it afore you (J. Greenwood).

He really did not have much hope of seeing the French at sea (J. Russell). He doesn't even have trouble with his stomach (Modern English Short Stories). He didn't have any pity for me nearly fourteen years ago (D. du Maurier).

Без do

He had not a rapid imagination (G. Eliot).

I had not time to come to the house (A. Christie). "We have not time to write to you", she told (J. Russell).

3. Have + одушевленные существительные:

XIX в. (100% — без do)

XX в. (с do — 40, без do — 60%)

C do

Примеры не зарегистрированы

It's a pity they don't have women deputies (D. du Maurier). People don't have enemies really (A. Christie).

Без do

I haven't many friends who care for me (G. Eliot). She hasn't a friend in the world (W. Thackeray).

I hadn't any nice friends (S. Maugham). You would think he hadn't another friend in the world the way carries on (M. Spark).

4. Have + личные местоимения:

XIX в. (с do — 50, без do — 50%)

XX в. (100% — с do)

C do

He didn't have it in his mind that he was killing her (J. Greenwood). It's a very fine skin, as you may see, but I didn't have it stripped off (Ch. Dickens).

Everyone knows you don't have it easy (N. Maynard). They don't have it in savage countries (M. Scott).

Без do

He has not me upon his mind, I assure you, Mr. George (Ch. Dickens). He hasn't me there, every day to awaken his dislike (Ch. Dickens).

Примеры не зарегистрированы.

5. Have + anything:

XIX в.

XX в. (с do — 50, без do — 50%)

С do

Примеры не зарегистрированы.

Anyway that place don't have anything for me. (Penguin Modern Short Stories). I didn't have anything special, no party, George (M. Spark).

Без do

...You haven't anything like your proper number of fellowships (C. P. Snow). He hadn't anything left now (J. Greenwood).

6. Параллельное употребление структур с do и без do в предложениях с much:

XIX в. (100% без do)

XX в. (с do — 20, без do — 80%)

С do

Примеры не зарегистрированы.

You didn't have much to say to him (F. King).

Без do

I have not much to do with all this (Ch. Dickens).

I haven't so much to tell as Mummy (A. Christie).

Таким образом, предварительный качественный анализ помогает установить прямую зависимость между общесемантическими характеристиками have-структур и интенсивностью проникновения do в вопрос и отрицание.

Наиболее отчетливо этот процесс наблюдается в сочетаниях have + конкретное существительное, have + абстрактное существительное, т. е., по-видимому, аналитическая тенденция захватывает в первую очередь наиболее употребительные сочетания.

Следовательно, можно констатировать явное увеличение удельного веса аналитических образований с do в XX в. по сравнению с XIX в. Какова основная причина этих сдвигов? Мы склонны считать, что налицо дальнейшее проникновение аналитических образований в новые подсистемы языка.

По нашим данным, концепция В. Я. Плоткина, полагающего, что «аналитическая тенденция исчерпала себя» [5], требует уточнений, во всяком случае для некоторых участков синтаксиса.

Вопрос о том, представляют ли структуры типа do you have или he does not have явление аналитической морфологии [7] или аналитического синтаксиса [11], требует специального рассмотрения.

Список литературы: 1. Гак В. Г. Глаголы «быть» и «иметь» как центры лексико-грамматической структуры предложения. — В кн.: *Revue Roumaine de Linguistique*, 1975, t. 20, No. 4, p. 103. 2. Гвишиани Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи. — М.: Высш. школа, 1979. — 199 с. 3. Ленца А. Л. Функционально-семантическая характеристика глагола

avoir в современном французском языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1975.— 24 с. 4. *Норман Н. Р.* Грамматическая семантика глагола have в современном английском языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1978.— 22 с. 5. *Плоткин В. Я.* Грамматические системы в английском языке.— Кишинев : Штиинца, 1975.— 126 с. 6. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка.— М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1959.— 439 с. 7. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка.— М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1957.— 285 с. 8. *Bach E.* Have and be in English Syntax.— *Language*. Baltimore, 1967, v. 43, No. 2, pt. 1, p. 59. 9. *Breitenstein P. H.* That simple verb «to have».— *E. L. F.*, 1970, v. 24, No. 2, p. 42. 10. *Ilyish B. A.* The structure of modern English.— *Leningrad : Prosvescheniye*, 1971.— 366 p. 11. *Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I.* A course in English grammar.— М. : Higher School, 1967.— 298 p.

Поступила в редколлегию 01.10.80.

А. П. МАРТЫНЮК

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ВИДА

Исследования целого ряда авторов дают убедительные доказательства того, что проблемы компонентного анализа (КА) привлекают внимание многих лингвистов [1; 2; 6; 8; 10]. Очевидно, это объясняется тем, что КА как методика исследования полностью соответствует требованиям языковедческой науки, так как, предполагая рассмотрение языка в плане микро- и макросистем, она правильно отражает его внутреннюю диалектическую природу. Сущность КА, по-видимому, исчерпывается его двумя противоположными, но в то же время находящимися в тесном диалектическом единстве функциями — дифференцирующей и интегрирующей. В первом случае речь идет о разложении значения языкового знака на минимальные единицы смысла, не поддающиеся дальнейшему членению. С другой стороны, КА, определяя ограниченное число компонентов, с помощью которых можно описать значения большого количества языковых знаков, служит критерием сведения знаков, содержащих сходные компоненты значения, в одну и ту же семантическую систему.

КА проводился на уровне морфем, грамматических форм и лексем. Специфика данного исследования состоит в том, что здесь КА подлечит не значение какого-либо конкретного языкового знака, а значение, сигнализируемое комплексом знаковых единиц разного уровня, представляющих собою средства выражения видо-временных отношений. Задача выделения сем решается путем нахождения в рамках рассматриваемой функционально-семантической категории (ФСК) таких семантических признаков, по отношению к которым различаются хотя бы два элементарных смысла. Поскольку основное семантическое содержание ФСК времени и вида аналогично значению соответствующих морфологических категорий, то интересующие нас семы закреплены уже в самих категориальных оппозициях. Так, во всех языках, где есть категория

времени, основным ее значением является отношение момента события к моменту речи, так называемое абсолютное время. На основе этого дифференциального признака можно разграничить временные планы прошедшего, настоящего и будущего. По отношению момента события к моментам других событий во времени различаются относительные временные планы предшествования, одновременности и следования. Разумеется, семы предшествования, одновременности и следования нельзя поставить на одну ступень с семами прошедшего, настоящего и будущего, так как они являются вторичными, зависимыми от последних.

На базе категории вида легко выделить семы длительности и моментальности действия в зависимости от того, дается ли ему особая характеристика с указанием на характер протекания или же имеет место лишь констатация факта.

Поскольку событие может быть единичным или же повторяющимся во времени, противопоставляются семы однократности и повторяемости. Они выделяются на основе различных средств контекста.

Таким образом, путем оппозиций установлен сравнительно ограниченный список сем, согласно которым действие (процесс, состояние), относясь к временному плану прошедшего, настоящего или будущего, может предшествовать, быть одновременным или следовать по отношению к другим событиям во времени, будучи при этом длительным или моментальным, однократным или повторяющимся. Однако необходимо иметь в виду, что непосредственный исследовательский интерес в процессе анализа представляют не отдельно взятые семы, а наборы сем, так как любая сема, не создавая сама по себе самостоятельного значения, может выступать минимальным компонентом множества конкретных значений, передаваемых определенными сочетаниями определенных сем. При этом нужно учитывать, то, что наборы сем, как правило, неоднородны по структуре. В этой связи представляется правомерным ввести такие понятия, как полный и неполный семный минимум. Под семным минимумом понимается такой набор сем, которого достаточно для передачи какого-либо значения в рамках рассматриваемой ФСК. Но если в первом случае речь идет о независимом семном минимуме, образующем самостоятельное аспектуально-темпоральное значение, то во втором неполный семный минимум находится в обязательной зависимости от полного. Это объясняется тем, что в состав неполного семного минимума не входит сема основного временного плана и временные отношения представлены лишь семой временной относенности.

Любой семный минимум находит свою формальную реализацию в определенных компонентах плана выражения. Исходной единицей анализа здесь выступает предложение, содержащее одну основную предикацию, или микроконтекст. В процессе анализа установлено, что микроконтекст бывает нейтральным и специфицирующим. Первый лишь создает семантическую основу того или

иного значения, причем эта основа может быть общей для нескольких из них, тогда как второй накладывает на нее какой-либо спецификатор. Отсюда понятно, что если в условиях специфицирующего микроконтекста задача нахождения необходимого набора сем решается уже на первом этапе, то в случае нейтрального микроконтекста нужно проследить, какое влияние оказывают на него соседние с ним предложения, т. е. макроконтекст, что и даст определенное значение законченную характеристику.

Сложность семантической структуры набора сем определяется с помощью трансформационного анализа согласно следующей закономерности: микроконтекст (однопредикативное предложение), не подлежащий трансформации, представляя собою один из видов ядерных предложений, дает обычный набор сем, соответствующий полному семному минимуму: *He went there* (однократное действие в прошедшем, данное как факт). Трансформируемое предложение-микроконтекст сигнализирует усложненный набор сем, причем количество семных минимумов, входящих в его состав, равно количеству ядерных структур, получаемых при трансформации с учетом того, что первая из них, как правило, соотносится с полным семным минимумом, в отличие от последующих, передающих неполные семные минимумы. Каждая ядерная структура обладает присущей ей семантикой и подлежит рассмотрению в отдельности: *He is ready to go there tomorrow: he is ready* (однократное состояние в настоящем); *he will go there tomorrow* (однократное действие, следующее за состоянием в настоящем); *he was ready to go there to take it: he was ready* (однократное состояние в прошедшем); *he went there* (однократное действие следующее за состоянием в прошедшем); *he took it* (однократное действие, следующее за предыдущим действием).

В процессе исследования возникает необходимость решить вопрос о том, какие компоненты плана выражения могут выступать в качестве носителей нейтральных и специфицирующих элементов значения. Представляется целесообразным начать с анализа микроконтекста, равнозначного полному семному минимуму. Очевидно, нейтральные компоненты в данном случае могут быть представлены, во-первых, специализированным, а во-вторых, неспециализированным семантико-грамматическим комплексом (СГК). Под СГК понимается взаимодействие грамматической формы и специфической семантики глагола. Между данными разновидностями выразителей семантической основы аспектуально-темпоральных значений существует принципиальное различие, заключающееся в том, что специализированный комплекс (в дальнейшем — СГК-1) самостоятельно относит данное событие к тому или иному временному плану, тогда как неспециализированный (СГК-2) приобретает определенную темпоральную окраску в зависимости от окружения.

Что касается СГК-1, то он может быть выражен, во-первых, любой видо-временной формой глагола в изъявительном наклонении, во-вторых, формой императива, как правило, относящей дей-

ствие к будущему. В последнем случае такая темпоральная ориентация, очевидно, связана с модальным значением императива, который выражает побуждение к действию: просьбу, разрешение, совет и т. д. и при этом ориентирует действие во времени, так как побуждение направлено в будущее (для данного исследования не имеет принципиального значения трактовка императива как формы, особого наклонения или формы, входящей в систему реалиса в противоположность ирреалису [7], поскольку и в том и в другом случае действие, выраженное императивом, соотнесено с планом будущего).

СГК-2 в свою очередь, включает формы сослагательного наклонения, случаи транспозиции времен (историческое настоящее, употребление настоящего для обозначения будущего), формы в неособственно-прямой речи.

Необходимо помнить, что две названные разновидности нейтральных компонентов функции могут выступать носителями семантической основы как нейтрального, так и специфицирующего ядерного микроконтекста, однако при этом они взаимодействуют с разными спецификаторами. Так, в качестве спецификатора нейтрального микроконтекста и при СГК-1 и при СГК-2 обычно выступает макроконтекст. При этом имеются существенные различия в зависимости от того, с каким СГК взаимодействует спецификатор: при СГК-1 макроконтекст накладывает на уже имеющуюся основу элемент, определяющий ее специфику, т. е. дает исчерпывающую характеристику действию, уже закрепленному за определенным временным планом; при СГК-2 макроконтекст выступает в несколько необычной для спецификатора роли, он не только дополняет характеристику события, но и относит его к настоящему, прошедшему или будущему.

В рамках специфицирующего ядерного микроконтекста, нейтральные элементы которого представлены СГК-1, спецификатор может быть выражен: средством лексического характера (обстоятельством времени или частотности), однако, необходимо иметь в виду, что при СГК-1 обстоятельства времени большей частью выполняют роль детализатора. Если нейтральные элементы специфицирующего микроконтекста представлены СГК-2, в качестве спецификатора могут функционировать те же языковые средства.

Анализ составляющих неядерного предложения подлежит законам, релевантным для соответствующих ядерных предложений-микроконтекстов с учетом того обстоятельства, что последние являются самостоятельными образованиями, тогда как первые представляют собою отдельные части целостной конструкции со сложной структурой. В связи с этим представляется целесообразным условно обозначить СГК неядерных предложений соответственно как СГК-1(т) и СГК-2(т), где «т» — трансформация. В качестве нейтральных компонентов основной составляющей могут выступать видо-временные формы глагола в изъявительном наклонении, формы императива, а также временные формы модальных глаголов:

"He has just offered to make me his secretary" [14]; "Ask Mrs E to be kind enough to come up" [14]; "You can do that much for him" [13]. Модальные глаголы в неизменяемой форме и в форме сослагательного наклонения составляют СГК-2(т): "You must have tried to stop him" [12]; "I could have made him stay" [11]. Что касается нейтральных элементов второстепенных составляющих, они также могут быть выражены СГК, однако данный СГК, как правило, сигнализирует неполный семный минимум, находясь в обязательной зависимости от основной составляющей.

Последовательное применение КА дает возможность произвести более детальный анализ выразительных средств внутри обозначенных подгрупп, что в свою очередь позволяет определить место и роль каждого из них в системе рассматриваемой ФСК, выделить центральные и периферийные компоненты, учитывая процентное отношение каждого к общему числу элементов плана выражения категории, установить характер распределения семантических признаков между ними. Таким образом, изложенный метод может быть использован при анализе ФСК как в отдельных языках, так и при сопоставительном изучении родственных и неродственных языков.

Список литературы: 1. Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте.— Лексикогр. сб., 1962, вып. 5, с. 24—33. 2. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля.— Лексикогр. сб. 1962, вып. 5, с. 13—24. 3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий.— Л.: Наука, 1976.— 255 с. 4. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков.— Л.: Просвещение, 1977.— 300 с. 5. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке.— М.: Просвещение, 1969.— 184 с. 6. Долгих Н. Т. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу.— Филол. науки, 1974, № 2, с. 23—31. 7. Ермолаева Л. С. Типология системы наклонений в современных германских языках.— ВЯ, 1974, № 4, с. 96—106. 8. Комлев М. Т. Компоненты содержательной структуры слова.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.— 192 с. 9. Панфилов В. З. Взаимодействие языка и мышления.— М.: Наука, 1971.— 232 с. 10. Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике.— Иностр. языки в школе, 1966, № 5, с. 12—17. 11. Albee E. Tiny Alice.— N. Y.: Cardinal, 1968.— 184 p. 12. Gow J., Usseau A. Deep are the roots.— М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1951.— 167 p. 13. O'Neill E. Long day's journey into night.— М.: Progress publishers, 1972.— 340 p. 14. Wilde O. Plays.— М.: Foreign lit. publishing house, 1961.— 360 p.

Поступила в редколлегию 14.10.80.

Н. И. МАСЛОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПОЗИЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ИХ ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Научно-техническая революция, следствием которой явилось дальнейшее развитие и расширение межъязыковых контактов, выдвинула в качестве важнейшей задачи современного языкознания,

проблему «оптимизации естественных коммуникативных систем» [1, с. 37], что, в частности, включает описание оптимальных способов перекодирования определенных явлений с одного языка на другой.

Данная статья — опыт лингвопереводческого описания функционально-позиционных характеристик русского деепричастия и особенностей его перевода на английский язык на материале четырех подязыков науки: теории научного коммунизма, биологии, физики и математики. По нашим сведениям, перевод деепричастий с русского языка на английский в научно-технических текстах не был предметом специального изучения. Полученные нами результаты сравнивались с данными подязыка художественной прозы (монологистический аспект), причем из последней использовалась только авторская речь, поскольку диалог не представлен ни в одном из названных подязыков. Материалом исследования послужили оригинальные русские тексты и их переводы.

Примененный полевой подход [5] показывает значимость различных конституентов поля перевода и дает более полное представление о межъязыковых связях, чем таксономический, а также сопоставительный и количественный анализ. Динамика поля перевода рассматривалась с учетом параметров, упомянутых в предыдущей работе [4, с. 40]. В предыдущих статьях [4; 5] описан набор средств перевода русских деепричастий на английский язык на материале художественной прозы, а также дано определение поля перевода и проанализированы особенности функционирования поливербида (в традиционной трактовке — причастие I и герундий) в современном английском языке. Трудность анализа заключалась в том, что поливербид значительно отличается по своим комбинаторным возможностям от деепричастия в русском языке. Сравнение основных моделей сочетаемости причастия I и герундия в современном английском языке (разработаны Ю. М. Ткаченко [6, с. 20]) говорит в пользу объединения PI и Ger в PV, подтверждая правильность и своевременность решения проблемы, связанной с многообразием «конкретных реализаций слова на -ing в речи» [2, с. 115].

На основании анализа 2500 случаев употребления деепричастий двух видов в пяти подязыках с учетом двусторонности связей деепричастия в предложении и особенностей его связи с субъектом действия, выраженным подлежащим, мы выделяем определенные позиционные модели деепричастий в русском языке — в общей сложности семь классов моделей, включающих ряд подвидов, из которых рассмотрим основные. Принятые обозначения: Va — деепричастие; Vp — глагол-сказуемое; S — подлежащее; ∪ — второстепенные члены; отделяющие Va от Vp и S; C — союз.

I класс. I₁. Va ∪ SVp (дистантная препозиция к S и Vp). «Относя неимущее крестьянство к сельскому пролетариату, мы не говорим ничего нового» (Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 171—172).

I₂. $S \cup Vr \cup Va$ (дистантная постпозиция к S и Vr). «Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное...» (Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 10).

II класс II₁. $VaVrS$ (контактная препозиция к Vr и S). «Приподняв шляпу, медово присюсюкивая, отрекомендовался он всевообще тульским помещиком Максимовым» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы.— Петрозаводск, 1970, с. 41).

II₂. $SVrVa$ (контактная постпозиция к Vr и S). «Она остановилась, глядя на дверь и тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выражение» (Толстой Л. Н. Анна Каренина.— Ярославль, 1964, с. 12).

III класс. Деяпричастия вводятся с помощью союзов).

III₁. $CVa \cup SVr$ (опосредованная дистантная препозиция к Vr и S). «И в то же время, как бы одолев препятствие, ветер посыпал снег с крыш вагонов, затрепал каким-то железным оторванным листом...» (Толстой Л. Н. Указ. соч., с. 104).

III₂. $S \cup VrCVa$ (опосредованная дистантная постпозиция к Vr и S). «... Но он сам как-будто чего-то еще выжидал и пристально приглядывался, как бы желая что-то еще понять, как бы еще неуяснив себе чего-то» (Достоевский Ф. М. Указ. соч., с. 83).

III₃. $SCVa \cup Vr$ (опосредованная контактная постпозиция к S, дистантная постпозиция к Vr). «А один буржуазный писатель, как бы развивая и дополняя приведенные выше мысли Сесилия Родса, пишет...» (Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27, с. 382).

IV класс. IV₁. $(S)Vr_1Va \cup Vr_2$ (интерпозиция Va между модальным словом и инфинитивом в сложном глагольном сказуемом, косвенное). «Таким образом, рассматривая поверхности равнопотенциала как прямолинейные поверхности оптической среды... можно, используя законы световой оптики, найти траектории электронов в электрических полях» (Климов А. Н. Ядерная физика и ядерные реакторы.— М., 1972, с. 97).

IV₂. $S \cup Vr_1CVa \cup Vr_2$ (интерпозиция Va между однородными сказуемыми).

«Степан Аркадьич постоял несколько секунд один — вздохнул и, выпрямив грудь, вышел из комнаты» (Толстой Л. Н. Указ. соч. с. 15).

V класс. V₁. $S \cup Va \cup Vr$ (дистантная постпозиция к S, дистантная препозиция к Vr). «Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец... выпрямиться...» (Ленин В. И. Что делать: Наболевшие вопросы нашего движения.— Полн. собр. соч., т. 6 с. 107).

V₂. $SVa \cup Vr$ (дистантная препозиция к Vr, контактная постпозиция к S). «Кровь, проходя по капиллярам большого круга, отдает не весь свой кислород» (Бабский Е. Б., Зубков А. А., Косилов В. П. Физиология человека.— М., 1972, с. 102).

сицкий Г. И., Ходоров Б. И. Физиология человека.— М., 1966, с. 155).

Описав основные позиции деепричастия в русском языке, проследим на примере одного подвида (I класс, модель 1 — $Va \cup SVp$ — дистантная препозиция к S и Vp), как изменяется поле перевода в зависимости от функции деепричастия, взаимодействия лексико-семантических групп (ЛСГ) глагола и деепричастия в ЯИ (языке-источнике) и глагола и поливербида в ЯП (языке перевода), валентных и аспектуальных характеристик деепричастия и личного глагола в ЯИ и поливербида и глагола в ЯП (на последнюю связь указывает В. Н. Комиссаров [3, с. 49]).

Модель $Va \cup SVp$ представлена в трех функциональных вариантах — деепричастия двух видов выступают как относительное, сопутствующее и определительное обстоятельство.

I₁. Относительное обстоятельство. Модель $Va \cup SVp$. Выделяем следующие способы перевода деепричастий двух видов в подязыках: *художественная проза*: 1) поливербид; 2) союз + поливербид; 3) личная форма глагола в придаточном предложении; 4) именное сочетание; *теория научного коммунизма*: 1) поливербид; 2) союз + поливербид; 3) личная форма глагола в придаточном предложении; 4) именное сочетание; *биология*: 1) поливербид; 2) личная форма глагола в составе придаточного предложения; 3) именное сочетание; *физика*: 1) поливербид; 2) личная форма глагола в придаточном предложении, именное сочетание; *математика*: 1) поливербид; 2) личная форма глагола в придаточном предложении; 3) именное сочетание. Приведем пример самого распространенного (в пяти подязыках) способа перевода — с помощью поливербида (PI или герундий). «В свою очередь, изучая ту или иную популяцию, экологи должны точно знать ее систематическую принадлежность» (Наумов Н. П. Экология животных.— М., 1964, с. 11). «In studying one population or another ecologists in turn must know their systematic position precisely» (The ecology of animals.— Urbana, 1972, p. 11). «Резюмируя изложенное выше о прогрессивной исторической роли русского земледельческого капитализма, можно сказать, что он обобществляет сельскохозяйственное производство» (Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 314). «Summing up what has been said above about the progressive role of Russian agricultural capitalism, it may be said that it is socialising agricultural production» (The essentials of Lenin.— N. Y. 1966, p. 33).

1. При близости или совпадении ЛСГ глагола и деепричастия, совпадении валентных и аспектуальных характеристик Va и глагола в ЯИ и PV и глагола в ЯП без изменений в актуальном членении предложения в ЯИ и ЯП в переводах зарегистрирован поливербид (а именно, причастие I как его разновидность) во всех пяти подязыках. «Опираясь на эти понятия, вводим следующее определение» (Мальцев А. И. Алгебраические системы.— М., 1970, с. 256) «Relying on those concepts we introduce the following definition»

(Maltzev A. I. Algebraic systems.— Berlin, 1973, p. 204). «Обсуждая этот механизм, они предлагают три альтернативные модели» (Гершензон С. М. Мутагенное действие ДНК и РНК вирусов у дрозофиллы.— Киев, 1975, с. 54). "Discussing this mechanism they proposed three alternative models" (translated from the Russian, p. 122).

2. При асимметрии валентных отношений глаголов в ЯИ и ЯП наблюдается поливербид (а именно, герундий как его разновидность). «Изучая основы геометрической электронной оптики, будем оперировать такими понятиями...» (Жигарев А. А. Электронная оптика и электронно-лучевые приборы.— М., 1972, с. 7). "In studying the fundamentals of geometrical electron optics we shall use such concepts..." (Zhigarev A. A. Electron optics and electron-beam devices.— М., 1972, p. 15). «Скрещивая между собой мух, гетерозиготных по рецессивным летальным... определяли частоту летальных мутаций». (Гершензон С. М. Указ. соч., с. 38). "By inter-crossing flies heterozygous for recessive lethals....the incidence of allelic mutation was determined within each group" (Ger-shenson S. M. Op. cit, p. 104).

3. Если справа от деепричастия стоит типично глагольный сирконстант (наречие), при асимметрии ЛСГ деепричастия и глагола в ЯИ, а также когда «различные темпоральные оттенки сочетаются с каузальными, уступительными, причинными... употребляются финитные формы глагола в соответствующих придаточных предложениях» [4, с. 43], иногда сопровождающиеся изменениями в актуальном членении предложения при переводе. «Говоря выше, что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали эти задерживающие разложение факторы...» (Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 179). "When we said above that the peasant bourgeoisie were the masters of the countryside... we abstracted those factors which retarded disintegration... (Lenin V. I. Op. cit., p. 26).

Объем настоящей статьи не позволяет останавливаться на всех способах перевода, поэтому мы ограничились описанием основных.

1₂. Деепричастия совершенного вида в функции относительного обстоятельства. Модель $Va \cup SVp$. Можно выделить следующие способы перевода в подязыках: *художественная литература*: 1) поливербид; 2) придаточное предложение с финитной формой глагола; 3) личная форма глагола; 4) именное сочетание; 5) категория состояния; 6) причастие II; *теория научного коммунизма*: 1) поливербид; 2) придаточное предложение с личной формой; 3) финитная форма глагола; *биология*: 1) поливербид; 2) союз + поливербид; 3) именное сочетание; 4) придаточное предложение с личной формой глагола; *физика*: 1) поливербид; 2) придаточное предложение с финитной формой; 3) именное сочетание; *математика*: 1) поливербид; 2) придаточное предложение с личной формой; 3) инфинитив.

II₁. Деепричастия несовершенного вида в функции сопутствующего обстоятельства. Модель $Va \cup SVp$. Следует выделить такие основные способы перевода в подъязыках: *художественная проза*: 1) поливербид; 2) союз + поливербид; 3) придаточное предложение с финитной формой; 4) абсолютный оборот с поливербидом; 5) абсолютный оборот без поливербида; *теория научного коммунизма*: 1) поливербид; 2) союз + поливербид; 3) придаточное предложение с личной формой; *биология*: 1) поливербид; 2) союз + поливербид; 3) личная форма глагола; *физика*: — те же способы, что и в биологии; *математика*: 1) поливербид; 2) придаточное предложение с финитной формой; 3) инфинитив. Следует подчеркнуть, что в функции и относительного и сопутствующего обстоятельства деепричастия несовершенного вида свободно передаются с помощью поливербида, возрастает удельный вес конструкций союз + поливербид как результат актуализации сопутствия в ЯП: «Разрушая узкие... сословные союзы средневекового общества... капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве... (Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 600). "While breaking down the narrow local, estate associations of medieval society...capitalism at the same time divides society into large groups of persons who occupy different position in production..." (Lenin V. I. Op. cit, p. 49).

II₂. Деепричастия совершенного вида в функции сопутствующего обстоятельства. Класс I, модель 1. Выделяем такие основные способы перевода: *художественная проза*: поливербид; личная форма глагола; *теория научного коммунизма, биология, физика, математика*: поливербид. Обращает на себя внимание малая доля деепричастий совершенного вида в этой позиции и функции, что связано с особенностями выражения временных оттенков (предшествование — одновременность) этими деепричастиями.

III₁. Деепричастия несовершенного вида в функции определятельного обстоятельства. Класс I, модель 1. Передается во всех подъязыках свободно с помощью поливербида (а именно, причастия I как его конституента). Но, если проанализировать деепричастия в этой функции в пяти подъязыках, можно заключить, что в художественной прозе больше доля чисто определительных обстоятельств, выраженных деепричастиями, модифицирующими глаголы движения, положения в пространстве, физического и психического состояния, тогда как в подъязыках определительные обстоятельства-деепричастия часто обозначают способ (образ) протекания другого действия: «Создавая разрывы волн, удалось в этой реакции наблюдать оба типа источников-ревербераторов» (Материалы X Международного биофизического конгресса.— Пущино, 1973, с. 848). "The both types of wave sources, reverberators and echo can be elicited by breaking the wave-fronts" (p. 861). «Он сидел на своем стуле, то прямо устремив глаза вперед себя, то оглядывая входящих и выходящих» (Толстой Л. Н. Указ. соч., с. 106).

"He sat in his place, his eyes staring before him or scanning the people who got in or out" (Tolstoy L. Anna Karenina.— Harmonds-worth, 1962, p. 119).

III₂. Интересно подчеркнуть, что деепричастия совершенного вида в этой позиции (класс I, модель 1) и функции встречаются в основном в художественной прозе, характеризуя глаголы движения, положения в пространстве, давая характеристику эмоциональным состояниям субъекта. По большей части такие деепричастия встречаются в авторском вводе.

Представляет определенный интерес перевод деепричастий несовершенного вида в функции вводного элемента. Не имея в этом случае связей с подлежащим или сказуемым предложения, деепричастие свободно переводится различными способами — с помощью поливербида, именного сочетания и т. д. Особенно широко оно представлено в данной функции в подъязыках: теория научного коммунизма — 7,3; биология — 5; физика — 8,2; математика — 9,6%. «Строго говоря, все содержание данного параграфа относится к гомогенному реактору» (Жигарев А. А. Указ. соч., с. 250). "The present section is, strictly speaking, concerned with the homogeneous reactor" (Zhigarev A. A. Op. cit., p. 311).

Проведенное исследование убеждает нас в том, что поле перевода русского деепричастия на английский язык в различных подъязыках зависит от таких общих факторов: семантика и прагматика подъязыка, позиция и функция деепричастия, валентные свойства глагола в ЯИ и ЯП. Наши наблюдения дают основания утверждать, что между объемом поля перевода и позицией единиц перевода, с одной стороны, и степенью формализации изложения в подъязыках, с другой стороны, существует обратная зависимость: чем выше степень формализации, тем уже поле перевода, т. е. чем ограниченнее набор способов перевода и стабильнее позиции единиц перевода: так, для проанализированной модели $Va \cup SVp$ весьма редки в пяти подъязыках (отмечены лишь единичные случаи в теории научного коммунизма и биологии) несовпадения позиций Va в ЯИ с позицией PV в ЯП. При переводе деепричастий в художественной прозе (неформализованный текст) поле перевода весьма обширно и насчитывает 20 способов [4, с. 37—41], при переводе математических текстов формализации (обилие формул, математических клише и т. д.), поле перевода значительно уже — пять способов. Сложная зависимость между средствами перевода русских деепричастий и совокупность факторов, влияющих на перевод, требует дальнейшего изучения.

Список литературы: 1. Ахманова О. С. Естественные языки и постановка проблемы создания искусственного вспомогательного языка в эпоху научно-технической революции.— В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира / Под ред. И. К. Белодеда, Ю. Д. Дешериева, М., 1977, с. 37—41. 2. Гвишиани Н. Б. Полуфункциональные слова в языке и речи.— М.: Высш. школа, 1979.— 115 с. 3. Комиссаров В. Н. Слово о переводе.— М.: Междунар. отношения, 1973.— 49 с. 4. Маслова Н. И. К вопросу о способах перевода русских деепричастий на английский язык.—

Вестн. Харьк. ун-та, № 196. Иностр. языки, 1980, вып. 13, с. 37—41. 5. Маслова Н. И. Некоторые аспекты -ing формы в современном английском языке.— Вестн. Харьк. ун-та, № . Иностр. языки, 1981, вып. 14, с. 40—43. 6. Ткаченко Ю. М. Сочетаемость глаголов в современном английском языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1974.— 22 с.

Поступила в редколлегию 03.11.80.

Е. И. НЕСТЕРЕНКО

НЕЙТРАЛЬНОЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ ÇA (CELA) В ФУНКЦИИ СУБСТИТУТА ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Исследователи, изучающие особенности функционирования указательных местоимений *cela*, *ça* в роли субститута одушевленных существительных, отмечают значительную стилистическую нагрузку, которую несут эти местоимения при обозначении лиц. Большинство лингвистов указывает на то, что построения с местоимениями *cela*, *ça* — антропонимами имеют «несколько фамильярно-сниженный оттенок» [2, с. 102]. Некоторые ученые относятся к такому их использованию еще более определенно: “*Aujourd’hui l’emploi de cela, de ça ou de ce pour désigner des personnes est, suivant les circonstances, extrêmement familier ou insultant*” [11, p. 165].

Яркий экспрессивный эффект такого употребления нейтральных указательных местоимений основан на контрасте между нейтральным значением местоимений, призванных замещать предметы, и семантикой замещаемых существительных, наделенных категорией одушевленности, — контрасте тем более сильным, что *cela* и *ça* все чаще образуют с личными местоимениями мужского и женского рода оппозицию одушевленность/неодушевленность. Таким образом, посредством транспозиции средний род принимает аффективное значение [10, p. 283].

Выбор нейтрального местоимения вместо личного для обозначения лиц обусловлен стремлением говорящего выразить чувство собственного превосходства над тем, о ком идет речь. Иногда личное и указательное местоимения чередуются в одном контексте, замещая один и тот же антропоним. Этот прием может служить для усиления стилистического эффекта, основанного на контрасте между параллельно употребленными личным и указательным местоимениями: “*On les a envoyés en détachement à trois kilomètres, dans ce bled, La Ferté-Gombaut, où tout ça se soûle, s’étripe, faut voir... surtout qu’ils ont le temps pour penser*” [5, p. 14]. Как видно из приведенного примера, нейтральное указательное местоимение в функции субститута одушевленного существительного влияет лишь на форму зависимого глагола, но не затрагивает, как правило, структуру всего предложения.

Конкретные семантические оттенки, которые выражает указательное местоимение в том или ином случае, определяет контекст. В приложении к лицам местоимения *cela* и *ça* служат чаще всего для выражения различных нюансов уничижительного значения: презрения, ненависти, пренебрежения, иронии, страха, упрека, отвращения, снисходительного юмора, безразличия и др. Но так бывает не всегда. Иногда превосходство, которое они обозначают, превращается в другие чувства: нежность (главным образом, когда речь идет о ребенке или молоденькой девушке) или даже восхищение и уважение.

Рассмотрим, взаимозаменяемы ли полная (*cela*) и редуцированная (*ça*) формы в роли субститута одушевленных существительных. Относясь к использованию нейтрального указательного местоимения в данной функции к разговорной, фамильярной или даже простонародной речи, многие исследователи тем самым исключают возможность применения полной формы для обозначения лиц, так как *cela* маркирует книжную речь.

А. Г. Басманова считает, что *cela* (*ceci*) используется исключительно как аналог или заместитель названий предметов, никогда не проникая в сферу антропонимов. В стилистически нейтральных контекстах *ça* также выступает субститутом или аналогом только неодушевленных существительных, и лишь усеченная форма может замещать название лица в разговорной речи [1]. Ш. Брюно, приводя замечание Ф. Брюно о том, что в XVIII в. было модно обозначать одушевленное существительное местоимением *cela*, сам при этом убежден, что произносить нужно *ça*. Трудно судить по письменным источникам о возможности или невозможности использования той или иной формы в устной речи, тем более что писатели имеют склонность употреблять в письменной речи *cela* там, где уместнее было бы *ça*. Бесспорно, однако, что *ça* в функции заместителя антропонима в современном языке предпочтительнее. Применение краткой формы *ça*, характерной для разговорной речи, семантически более неопределенной, чем *cela*, производит дополнительный, косвенный стилистический эффект.

Статистический анализ употребления *cela* и *ça* в функции аналога или субститута одушевленных существительных, проведенный на основе 20 художественных произведений писателей XX в., показывает, что краткая форма *ça* используется для указания на живые существа в 9,6 раза чаще, чем полная *cela*.

Существует мнение, что применение *ça* (*cela*) всегда сопряжено со стремлением выразить определенное отношение к обозначаемому лицу. «При таком употреблении *ça* всегда носит оттенок эмоциональной окрашенности» [1, с. 57]. Но степень эмоциональности может быть различной — от ярко выраженной до почти нейтральной. Естественно, что наибольшей выразительностью обладает нейтральное местоимение, непосредственно указывающее на конкретное лицо: «C'était étrange de penser à lui comme à l'amant de Bérénice... Elle avait pu lui préférer *ça*, elle» [4, p. 597].

Когда нейтральное указательное местоимение относится к существительному во множественном числе, возможны несколько случаев. Если речь идет о нескольких известных лицах, их обозначение местоимением *ça* (*cela*) производит почти такой же экспрессивный эффект:

— *Milles Saint-Pé sont pleines de plus belles qualités morales!*

— *Oui. De quoi martyriser toute une vie... cela se coiffe comme balai de crin et, une fois que cela a levé le petit doigt en buvant sa tasse de thé comme sa mère, cela se figure avoir atteint le summum de la grâce...* [3, p. 111].

Аффективное значение менее четко выражено, если *ça* (*cela*) замещает существительное во множественном числе, обозначающее группу менее индивидуализированных элементов: *"Il y a les copains, une bande disparate. De tout ça au P. C. B. il ne connaissait que Jacqueline et Malou"* [5, p. 33].

При замещении одушевленного существительного множественного числа, обозначающего группу лиц как одно целое, указательное местоимение *ça* практически лишено эмоциональной окрашенности и приближается к безличному подлежащему: *"Il y avait beaucoup de monde et ça parlait doux"* [17, p. 154].

Ça в функции аналога существительного-фаунонима также почти нейтрально: *"— C'est un lapin modifié, dit Chick. — Qu'est-ce que ça mange? demanda Colin"* [17, p. 96].

В приведенном ниже примере лишь последующий контекст накладывает отпечаток на семантическое содержание *ça* и привносит оттенок отвращения по отношению к денотату.

— *Et ça aussi, ça veut voir Gabriella?*

Il regardait le perroquet avec l'air d'avoir l'air ed'avoir le coeur soulevé de dégoût [14, p. 140].

Смысловая и стилистическая емкость нейтральных местоимений создает условия и для других типов их стилистического использования. Так, *ça* может поддерживать метафорическое сравнение: *"Le train s'est vidé, une boîte d'allumettes qui se renverse. Ça sautait de tous les côtés"* [5, p. 240].

Нейтральное местоимение *ça* подчеркивает загадочность, неопределенность живого существа, которому говорящий не может дать точного названия:

— *Regarde, Colin... Qu'est-ce que c'est?...*

— *Je ne sais pas, dit-il. Ça... ça n'a pas l'air méchant.*

— *C'est un des hommes qui entretiennent les lignes, dit Nicolas... Ils sont habillés comme ça pour que la boue n'entre pas jusqu'à eux...* [17, p. 66].

Соотносясь с группой антропонимов, нейтральное местоимение употребляется вместо неодушевленного существительного, служащего названием этой группы, и тем самым указывает на неразрывное единство элементов, составляющих группу. В следующем примере *ça* употребляется вместо *ce couple*: *"... Tonnelier, tonnelière,*

où allait l'un allait l'autre et ça marchait, pensait, buvait, se chipotait..." [6, p. 92].

Синтаксические условия также имеют большое значение для определения степени эмоциональности местоимения *ça*. Так, сегментированные предложения с *ça* сохраняют еще уничижительное значение: "...Quelquefois, cependant, la nuance est légère et la construction peut bien être appelée à former le point de départ d'une syntaxe nouvelle" [7, p. 80]. Как правило, указательное местоимение, замещающее одушевленное существительное в сегментированном предложении, имеет обобщающее значение. Оппозиция между личными местоимениями и нейтральным указательным местоимением возникает не по признаку одушевленности / неодушевленности, а на основе противопоставления конкретного общему. Личное местоимение употребляется вместо существительного в его индивидуальном, частном аспекте, а указательное — тогда, когда необходимо выразить обобщение.

Формальных критериев для выбора личного или указательного местоимения не существует. Однако, когда антецеденту предшествует неопределенный артикль, в роли репрезентанта почти всегда выступает указательное местоимение: "Un mari, ça ne compte pas" [4, p. 603]; "Des jeunes mariés ça se blottit" [15, p. 79].

Даже если в сегментированном предложении наряду с одушевленным существительным, которому предшествует неопределенный артикль, есть указание на конкретное лицо, обозначенное этим существительным и представленное местоимением *ça*, конструкция не является эмоционально окрашенной: "Un bel agent de police comme vous, ça doit en connaître des trucs" [14, p. 102].

Если в сегментированном предложении существительному-антропону предшествует определенный артикль, указательное местоимение-субститут может иметь то же значение обобщения, даже еще более широкого, вследствие того, что одной из функций определенного артикля является обозначение предметов во всем объеме их смысла: "Le pausan, ça se méfie" [5, p. 316]. Лишь контекст, т. е. соответственно подобранная лексика, может придавать эмоциональный оттенок высказыванию: "Les femmes, ça voit pas plus loin que le pucier" [5, p. 30].

Иногда *ça* выражает не обобщение и указывает не на лицо, а на ситуацию, явление, связанное с лицом: "Oustric, s'est arrêté pour regarder ça, des vieilles femmes, courbées, avançant sans jamais se relever..." [5, p. 334].

В сегментированных предложениях указательное местоимение *ça*, даже соотносясь с конкретным лицом, часто является более емким, чем его антецедент (постцедент) и выражает предикатную референцию, т. е. указывает на явление, ситуацию: "La vieille presque aveugle, cet officier en cantonnement, cela lui donne de la distraction" [5, p. 48] (cet officier en cantonnement = присутствие этого офицера в лагере).

Репрезентируемое существительное может иметь в качестве де-

терминатива и притяжательное прилагательное: "Tu sais bien que ma femme, ça ne compte pas" [4, p. 511] (то, что у меня есть жена).

Указательное местоимение *ça* выступает и в роли метонимии:

— C'est le portrait de ma mère.

— C'est ta mère, ça? Oh [12, p. 138].

В предложениях, в которых антецедентом (постцедентом) является имя собственное, мы также часто имеем дело с метонимической транспозицией: "Tu aimes ça, toi, Max Linder! [9, p. 313] (фильмы с его участием, его игра).

Возможны и переходные случаи. В следующем примере местоимение *ça* отражает чувство неприязни, испытываемое по отношению к человеку, которого зовут *Batouala*, хотя само имя собственное обозначает скорее произведения, им написанные. Только контекст позволяет судить о семантике *ça* во всем объеме:

— Donner le prix Goncourt à in Nègre!

— Moi, ça ne me plaît pas, ce Batouala [4, p. 453].

Во всех этих случаях возможно употребление личных местоимений. Но они служат в сегментированных предложениях только для выделения заменяемого существительного.

Если *ça* как средство репризы находится перед глаголом *être*, то даже, когда это местоимение репрезентирует одушевленное существительное, оно не несет эмоциональной нагрузки:

— J'aime pas, dit-elle, quand le père est dehors.

— Deux femmes, ça n'est apas fort [13, p. 165]

Указательное местоимение *ce* в обороте *c'est* служит обычно для идентификации и предметов, и живых существ. В этом случае *ça*, указывающее на антропонимы, нейтрально: "*Ça doit être la femme d'un boursier ou d'un médecin...*" [16, p. 107]. Вместо глагола *être* в качестве связки может употребляться глагол *faire*: "*S'il travaille autant qu'il mange, ça fera un rude homme...*" [16, p. 15].

Хотя нейтральные указательные местоимения *cela* и *ça*, соотносясь с одушевленными существительными, по-прежнему сохраняют в ряде случаев способность создавать эмоционально окрашенные конструкции, наблюдается тенденция к ослаблению их экспрессивной нагрузки. Степень аффективности зависит от многих факторов: характера референта (денотата), синтаксических условий, общей тональности контекста. Часто стилистический эффект является результатом действия окружающей лексики. Редуцированная форма *ça* практически вытеснила полную форму *cela* из сферы антропонимов.

Список литературы: 1. Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке.— М.: Высш. школа, 1977.— 196 с.
2. Пиотровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка.— Л.: Учпедгиз, 1960.— 224 с.
3. Anouilh J. Ardèle.— Paris: La table ronde, 1948.— 252 p.
4. Aragon L. Aurélien.— Paris: Gallimard, 1944.— 704 p.
5. Aragon L. Les communistes, v. 1, 2.— Paris: Editeurs Français Réunis,

1967.— 990 p. 6. *Bazin H.* Chapeau bas.— М.: Editions du Progrès, 1973.— 206 p. 7. *Blinkenberg A.* L'ordre des mots en français moderne, v. 2.— Copenhague, 1928.— 241 p. 8. *Bruneau Ch.* Questions de grammaire française et de stylistique.— Paris, 1935—1936.— 89 p. 9. *Céline L.-F.* Mort à crédit.— Paris: Gallimard, 1952.— 502 p. 10. *Dauzat A.* Grammaire raisonnée de la langue française.— Lyon, 1948.— 481 p. 11. *Gougenheim G.* Système grammatical de la langue française.— Paris, 1939.— 373 p. 12. *Guitry S.* Je t'aime.— Paris: Perrin, 1960.— 214 p. 13. *Maupassant G.* Les prisonniers.— М.: Editions en langues étrangères, 1949.— 335 p. 14. *Queneau R.* Zazie dans le métro.— Paris: Gallimard, 1959.— 181 p. 15. *Sartre J.-P.* Les mains sales.— Paris: Gallimard, 1948.— 245 p. 16. *Zola E.* Au bonheur des dames.— М.: Editions en langues étrangères, 1956.— 471 p. 17. *Vian B.* L'écume des jours.— Paris: Union Générale d'Édition, 1963.— 184 p.

Поступила в редколлегию 06.11.80.

Е. И. НЕСТЕРЕНКО

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕСТОИМЕНИЯ ÇА В БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Изучая функционирование нейтральных указательных местоимений *cela* и *ça*, большинство исследователей рассматривает их как варианты одной грамматической формы, абсолютно параллельные в употреблении и различающиеся лишь своей стилиевой соотносительностью: *cela* — с книжной речью, *ça* — с разговорной. "Quelle que soit son origine, *ça* s'emploie dans la langue parlée avec les fonctions de *cela* [9, p. 197].

Однако коммутация между *cela* и *ça* не всегда возможна. Это заметил еще Ш. Брюно, который считал, что местоимения *cela* и *ça* следовало бы изучать отдельно, так как эти местоимения не являются взаимозаменяемыми [9, p. 79]. Если разговорная речь допускает *ça pleut*, то в книжной *cela pleut* исключено. Ж. Дюбуа обращает внимание на невозможность коммутации между *cela* и *ça* в некоторых галлицизмах [14, p. 168].

На наш взгляд, интенсивное использование усеченной формы указательного местоимения *ça* связано не только со стремлением разговорной речи к фонетической экономии, к унификации средств выражения, но и с тем, что эта местоименная форма обладает более мощным функциональным потенциалом в разговорной речи, чем *cela* в книжной. Местоимение *ça* приобрело функции, которых *cela* никогда не выполняло.

Один из наиболее ярких примеров функциональной независимости *ça* от *cela* — употребление местоимения *ça* в некоторых безличных конструкциях. Обычно во французском языке безличные конструкции определяются как «... бесподлежащие или подлежащие конструкции с глаголом в 3-м лице, обозначающим действие (состояние), реальный производитель (носитель) которого либо не выражен вовсе, либо представлен косвенным дополнением

или постглагольным членом, которые и являются реальными субъектами безличных предложений» [3, с. 5].

Поскольку для французского языка характерна тенденция к синтаксической двусоставности предложения, безличные структуры оформляются чаще всего при помощи безличного местоимения *il*, закрепившегося в безличных оборотах с XVI в. и служащего грамматическим показателем формы. Г. Г. Адамян отмечает довольно необычную семантическую нагрузку этого элемента: «Специфика ее заключается в свойстве *il* безл. передавать исключительно формальную предметность; признаки отдельных (определенных, обобщенных, неопределенных) предметов ему чужды. Иными словами, *il* безл. — это знак формального (исходного) предмета» [1, с. 14].

Хотя безличные конструкции отличаются не только богатством семантики, но и структурным многообразием, собственно безличных глаголов очень мало во французском языке. Чаще всего в безличных структурах используются непереходные глаголы, способные выступать предикатом как личных, так и безличных предложений.

Так как позиции *il* безл. ослаблены вследствие конкуренции *il* — личного местоимения мужского рода, которое в соединении с непереходным глаголом в абсолютном употреблении служит средством оформления личных предложений, многие структуры с местоимением *il* вне макроконтекста воспринимаются и как личные и как безличные, что приводит к двусмысленности высказывания. В книжной речи на уровне широкого контекста такая двусмысленность снимается, но разговорная речь, тяготеющая к максимальной ясности и экономии средств выражения, стремится элиминировать *il* безл., заменить его местоимением *ça*. Выбор именно этой формы обуславливается большей семантической неопределенностью *ça* по сравнению с *sesi* и *cela*. *Ça* и *se* в отличие от *sesi* и *cela* нейтральны по отношению к категории указательности, находящей свое выражение в оппозиции близость / удаленность (в пространстве и времени) по отношению к говорящему лицу.

Как известно, категория указательности — основа существования этих местоимений; переставая выражать значение близость / удаленность, они утрачивают специфику указательных местоимений и переходят в разряд личных (см. эволюцию лат. *ille* во франц. *il*), артиклей, грамматических субститутов [2, с. 151]. Хотя полной форме *cela* и свойственна функция нейтрализации, так как она может употребляться в качестве немаркированного элемента, все же это местоимение сохранило значение «удаленности» при пространственной или временной оппозиции с *sesi*. *Ça* же возникло сразу как нейтральная форма по отношению к этой оппозиции. Кроме того, местоимение *ça* — наиболее грамматикализованная форма по сравнению с другими автономными нейтральными указательными местоимениями, приближающаяся в этом отношении к неавтономному в глагольной группе местоимению *se*. Именно

с] данным свойством связана «строевая функция» *ça* [2, с. 152], его способность выступать в качестве чисто формального подлежащего, что не свойственно *cela*.

Вместе с тем *ça* даже в структурах, в которых оно выполняет лишь строевую функцию, не полностью утратило свою семантическую насыщенность. Поэтому *ça* может коррелировать с *il* безл. в ограниченном ряде безличных конструкций. Так, невозможна, например, коммутация *il / ça* в трехчленных субъектных структурах, в которых субъект выражен постглагольным членом, а *il* безл. характеризуется максимальной семантической опустошенностью, нулевой референтностью. Правда, усеченная форма *ça* способна к варьированию с местоимением *il* в безличных структурах с глаголом привативного значения *manquer*. При этом *il* отличается полной семантической опустошенностью, на его основе строятся конструкции, в которых субъект выражен личным местоимением в косвенном падеже или существительным в постпозиции. *Ça* же сохраняет определенную семантическую нагрузку и содержится сему локализации. Ср.: «*Vous ne trouvez pas qu'il (nous) manque de femmes? — Vous ne trouvez pas que ça manque de femmes?*» [6, р. 437]. «Вы не находите, что здесь без женщин скучно?»

Замещение безличного местоимения *il* усеченной формой *ça* в конструкциях с собственно безличными глаголами, обозначающими атмосферно-метеорологические явления, не обусловлено функциональной необходимостью, а поэтому до сих пор остается просторечным и крайне редко встречается в речи персонажей художественных произведений. Зато конструкции данной группы, строящиеся при помощи непереходных глаголов, способных обозначать атмосферно-метеорологические явления, широко используют усеченную форму *ça* в функции формального подлежащего. Объясняется это тем, что сочетание *il* с непереходными глаголами определенной семантики неоднозначно и может восприниматься как личное предложение. Глаголы *geler*, *dégeler*, *souffler*, *tonner* могут оформлять безличные конструкции как с *il* безл., так и с *ça*. Оба местоимения иногда употребляют в одном предложении, чтобы избежать повторения: «*Au-dehors, ça souffle, mais il ne pleut plus*» [7, р. 442]; «*...La femme de ménage pensa que c'était drôle, on avait toujours plus froid quand ça degèle que quand il gèle bien*» [6, р. 218].

Семантическое поле глаголов, служащих для называния атмосферно-метеорологических явлений, постоянно обогащается и расширяется за счет новых лексических единиц, и для образования новых безличных структур используется местоимение *ça*. Некоторые построения могут представлять собой стилистические и стиливые варианты уже существующих безличных конструкций. Например: «*Bon, voilà qu'il pleut. Faut se tresser, mon bonhomme, ça dégringole!*» [7, р. 340]; «*Dessus ça coulait Nom de Dieu... Le moteur il était mouillé...*» [11, р. 483]. Синонимичные структуры *ça dégringole*, *ça chiale*, *ça coule* вместо *il pleut*, *ça tombe* вместо

il peige одновременно несут стилистическую нагрузку, т. е. являются экспрессивно окрашенными, и характеризуются стилевой соотносительностью с разговорной речью. Другие структуры, стилистически более нейтральные, не имеют соответствующих синонимичных конструкций с *il* безл. в книжной речи: *ça pique*, *ça chauffe*, *ça pince*, *ça tape*, *ça glisse* и др. Хотя эти конструкции не утратили стилевой маркированности, их употребление не ограничивается сферой разговорной речи, а распространяется и на книжную речь, что объясняется невозможностью построения подобных структур с *il* безл. или *cela*: 1) "*Il ne fait pas chaud, ça pique!*" [15, р. 244]; 2) "*Il a répété en montrant le ciel: 'Ça tape'*" [10, р. 35]. Очень продуктивно использование *ça* в качестве подлежащего безличных конструкций с глаголом *faire* в сочетании с прилагательным или существительным. Эти конструкции обозначают состояние, обстановку протекания действия: 1) "*Ça fait chic et scandale à la fois*" [6, р. 329]; 2) "*Emmène les bêtes, ça peut faire du vilain*" [12, р. 76]; 3) "*J'arrivais, moi, un samedi, ça faisait du peuple dans les rues*" [11, р. 169].

Язык обогатился, таким образом, безличными построениями, в которых *ça* — подлежащее характеризуется не нулевой референтностью, а скорее невыраженностью соотносительности с субъектом, его устраненностью. Эти структуры многоемки, им присуща ситуативная детерминированность. Они могут носить безличный и неопределенно-личный характер. Это зависит от того, насколько *ça* утратило в том или ином случае свою анафорическую функцию. Поэтому границы между безличными и неопределенно-личными, обобщающими построениями расплывчаты.

Конструкции, характеризующиеся устраненностью субъекта, очень разнообразны по семантике. Они могут называть не только явления природы, но и обстановку, условия протекания действия, состояние дел, отношений между людьми, состояние духа, настроения, физико-психического состояния человека, любое состояние вообще: 1) "*...Si ça se réchauffe un peu, les morts n'attendront pas*" [12, р. 210]; 2) "*Zamora a changé toutes les lampes pour que ça gueule*" [6, р. 330]; 3) "*Venez pousser à la roue. Ça presse, mes amis*" [12, р. 166]; 4) "*Schnell! remontons dans le car et que ça saute!*" [18, р. 88]; 5) "*Attention, cria-t-il, ça va monter, tiens bon les bêtes!*" [12, р. 155]; 6) "*Ça mord, je vous dis! Ça mord!*" [8, р. 183]; 7) "*Pour bien apprendre, il faut que ça bardel!*" [11, р. 111].

Ça в функции подлежащего безличных предложений может иметь референтом всю ситуацию, обстановку в самом широком смысле и выражать обобщенное значение: 1) "*Tu crois qu'on parlera de nous plus tard? Oh! ça, je m'en fiche bien!.. Ce que je veux, c'est que ça continue comme ça... toute la vie!*" [16, р. 110]; 2) "*Est-ce que c'est vraiment la guerre? — Ça en a l'air avec toute cette comédie qu'ils font*" [7, р. 146].

Усеченная форма *ça* участвует в образовании предложений, выражающих различные процессы, источник которых неизвестен:

“La nuit dernière, ça brûlait de partout vers le bas pays” [12, p. 130].

Разнообразны предикаты, с которыми местоимение *ça* строит конструкции, обозначающие состояние отношений между людьми, их настроения: 1) “Dès pas mal que ça ne se soit jamais tout à fait brisé entre eux...” [7, p. 300]; 2) “Avec tes copains *ça s’arrangea*” [19, p. 217].

В конструкциях, подчеркивающих психофизическое состояние человека, *ça* также имеет очень неопределенное значение и служит для выражения «невыразимого»: 1) “Son mal, à ce qu’il paraît, était une manière de brouillard qu’elle avait dans la tête, et les médecins n’y pouvaient rien ni le curé non plus. Quand ça la prenait trop fort, elle s’en allait toute seule sur le bord de la mer... Puis, après son mariage, ça lui a passé, dit-on.

— Mais moi, reprenait Emma, c’est après le mariage que ça m’est venu [15, p. 171];

2) “Chloé ferma les yeux, elle pâlit et porta la main à sa poitrine.

— Ça y est, dit-elle avec effort. Ça va recommencer” [21, p. 101].

В структурах, передающих болезненное состояние человека и включающих предикаты семантического поля болевощущений «*ça* вступает в область неопределенности, недетерминированности, неизвестности денотата» [4, с. 54]: “Ils gueulaient encore. Ça devait leur faire mal quelque part...” [6, p. 285].

Наличие обстоятельства места действия способствует переходу личного глагола в безличные¹, хотя и не является решающим фактором в определении структурно-семантического типа предложения. Основным дифференциальным признаком отграничения *ça* безл. от *ça* (cela) — указательного местоимения, выразителя предметной референции является контекст, который может содержать или не содержать антецедент (постцедент), указывающий на денотат. Например: “Cela le brûle à l’intérieur. Les poumons, et quelque chose d’autre” [7, p. 98]. Аналогичные законы определяют возможность / невозможность употребления *cela* в структурах типа: 1) “Ça sent partout le jambon fumé...” [11, p. 29]²; 2) “Quand il s’appuyait à mes fentes d’aération, j’étouffais et ça puait la brillantine dans la cabine” [13, p. 28]. “Quand je suis arrivé, elles étaient attablées toutes les deux devant une énorme platée de boudin au sang, et cela sentait terriblement l’oignon” [21, p. 71].

При описании общих условий, состояния внешней среды параллельно с безличными конструкциями, обозначающими атмосфер-

¹ Ср.: L’oreille, ça (cela) me fait mal.— У меня болит ухо. Ça me fait mal à l’oreille.— У меня болит в ухе. В первом предложении *ça* выполняет анафорическую функцию и являются синонимом *cela*.

² В данном случае употребление безл. *il* невозможно из-за «конкуренции» *il* личного местоимения. Il sent mauvais всегда будет указывать на конкретный денотат.

но-метеорологические явления, могут использоваться конструкции с глаголом *sentir* и *ça* в роли подлежащего, что указывает на безличный характер последнего: 1) "*Il ne faisait pas très clair et ça sentait la cire des Indes...*" [21, p. 125]; 2) "*Il y a du soleil et ça sent bon les arbres*" [21, p. 103].

Местоимение *ça* участвует в создании еще одного вида бес-субъектных конструкций. Обычно нейтральные указательные местоимения *cela*, *ça*, выступающие в функции подлежащего предикатов активного действия, рассматриваются как антропонимы. Исследователи анализируют семантические оттенки и экспрессивную функцию *ça* (*cela*) в таких построениях, которые «предусматривают метафорическое «опредмечивание» человека» [5, с. 102] и стилистический эффект которых основан на контрасте между смысловым содержанием существительного-антропонима и представляющим его нейтральным указательным местоимением, которое замещает неодушевленное существительное. Однако в противовес личным структурам, подчеркивающим субъект, в целях выделения и изоляции глагольного действия [8, p. 57] предикаты активного действия образуют иногда бессубъектные построения, в которых функцию формального подлежащего выполняет усеченное местоимение *ça*. Эти предикаты характеризуют речевую деятельность человека (*parler, crier, discuter*), могут входить в семантическое поле созидания, творения (*travailler*) или обозначать различные шумы (*siffler, faire du bruit, faire du boucan*): 1) "*Ça crie fort. Ils ont l'air de se bagarrer*" [19, p. 44]; 2) "*...Le parti dit que c'est bien, alors c'est bien... pas de discussions véritables. Maintenant, ça discute, on y revient*" [11, p. 499].

Таким образом, усеченная (*ça*) и полная (*cela*) формы указательного местоимения — это лишь частично синонимическая пара, так как различаются они не только по стилевой соотнесенности и стилистической нагрузке, но иногда и по функциям, которые они выполняют. Так, *ça* способно выполнять чисто строевую функцию, не присущую *cela* в некоторых безличных конструкциях, причем наибольший интерес представляют случаи функционирования *ça* в совершенно новых образованиях, в которых *cela* никогда не употреблялось и которые это местоимение не способно оформить в силу изложенных выше причин.

Список литературы: 1. Адамян Г. Г. Влияние безличности на увеличение сочетаемости глагола в современном французском языке. (Тип *arriver, venir*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1976.— 18 с. 2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология — М.: Высш. школа, 1979.— 304 с. 3. Дегтяревская И. В. Сопоставительный анализ конструкций, называемых безличными, во французском, испанском и итальянском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Киев, 1972.— 18 с. 4. Леонова С. В. Семантические функции указательных местоимений *celui, ça* и их роль в формировании простых и сложных предложений: Дис. ... канд. филол. наук.— М., 1978.— 147 с. 5. Пиотровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка.— Л.: Учпедгиз, 1960.— 224 с. 6. Aragon L. Aurélien.— Paris: Gallimard, 1944.— 704 p. 7. Aragon L. Les communistes, v. 1, 2.— Paris: Editeurs Français Réunis, 1967. 8. Bazin H.

Chapeau bas.— M. : Editions du Progrès, 1973.—206 p. 9. *Bruneau Gh.* Questions de grammaire française et de stylistique.— Paris, 1935.— 1936.— 89 p. 10. *Camus A.* L'étranger.— M. : Editions du Progrès, 1969.— 334 p. 11. *Céline L.-F.* Mort à crédit.— Paris : Gallimard, 1952.— 502 p. 12. *Clavel B.* La saison des loups.— M. : Progrès, 1978.— 286 p. 13. *Courtaude P.* Les circonstances.— M. : Progrès, 1966.— 228 p. 14. *Dubois R.* Grammaire structurale du français : nom et pronom.— Paris, 1965.— 189 p. 15. *Flaubert G.* Madame Bovary.— M. : Progrès, 1974.— 500 p. 16. *Guity S.* Je t'aime.— Paris : Perrin, 1960.— 214 p. 17. *Henry A.* Considération sur la fortune de ça en français.— Paris, 1960.— 174 p. 18. *Queneau R.* Zazie dans le métro.— Paris : Gallimard, 1959.— 181 p. 19. *Sartre J.-P.* Les mains sales.— Paris : Gallimard, 1948.— 245 p. 20. *Simenon G.* Romans.— M. : Progrès, 1968.— 437 p. 21. *Vian B.* L'écume des jours.— Paris : Union Générale d'Édition, 1963.— 184 p. 22. *Wagner R. L., Pinchon J.* Grammaire classique et moderne.— Paris, 1962.— 648 p.

Поступила в редколлегию 06.11.80.

В. Д. НИКОЛАЕВА

О НЕКОТОРЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ТРЕХЧЛЕННЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (РАЗВЕРТЫВАНИЕ ИСХОДНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЗА СЧЕТ АТРИБУТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ)

Несмотря на значительное количество исследований в области синтаксиса разговорной речи на базе различных языков [1—5; 7; 8 и др.] существует еще ряд малоисследованных проблем, в частности структурно-семантические характеристики многокомпонентных диалогических единств в современном английском языке.

В предыдущей статье [6] сформулированы некоторые принципы, положенные в основу классификации трехчленных диалогических единств (ДЕ-3), являющихся объектом нашего исследования.

Конкретизация исходной реплики ДЕ-3 может происходить следующими способами:

1. Семантико-синтагматическая конкретизация — развертывание исходного высказывания за счет: а) элементов с объектной или обстоятельственной направленностью, при которой происходит реализация глагольной валентности одного из компонентов первой реплики (глагола, глагольно-именного сочетания, отглагольного существительного); б) элементов с атрибутивной направленностью, при которой реализуется валентность существительного.

2. Семантико-парадигматическая конкретизация (местоименно-антецедентная, родо-видовая и др.).

Объектом исследования в данной статье являются ДЕ-3 с развертыванием исходного высказывания, реализующимся за счет добавления атрибутивного элемента к существительному первой реплики.

Часто в условиях диалогической речи атрибут несет значительную информативную нагрузку. Атрибутивные элементы модифицируют существительное исходного высказывания, открывающее диа-

логическое единство, за счет чего происходит расширение объема информации.

Атрибут или атрибутивное предложение не всегда конструктивно значимы, так как в основном они несут дополнительную информацию; экспликация мыслей, заложенных в сознании инициатора высказывания, повышает прагматическую ценность акта коммуникации. Условия конкретного акта коммуникации, в которых обнаруживается информативная неполнота первой реплики (P_1), вызывают необходимость реплики-запроса. Восполнение информативного дефицита осуществляется за счет атрибутивных элементов, в которых реализуются валентные свойства имени существительного.

Вторая реплика (P_2) в рассматриваемых трехчленных диалогических единствах так же, как в ДЕ-3 с объектной или обстоятельственной направленностью, может представлять собой подсказ, предположение, выраженное в данном случае атрибутивным элементом.

— I was visiting a friend.	— He was his brother, naturally.
— Your aged grannie, I suppose.	— Older? Younger?
— An old school friend.	— The younger brother.
(A. Hall. <i>Deathday</i> .— London, 1969, p. 101).	(S. Heym. <i>The crusaders</i> .— M.: For. Lang. Publ. House, 1951, p. 72).

Вторая реплика может представлять собой специальный уточняющий эллиптический вопрос с подхватом элемента первой реплики или без него.

— They were going into the maze.	— You're behaving like Mr. Barrett.
— What maze?	— Mr. Barrett?
— The mirror maze.	— Of Wimpole Street.
(J. H. Chase. <i>This way for a second</i> .— London, 1967, p. 78).	(G. Cooper. <i>Everything in the garden</i> .— London: Penguin Books, 1965; p. 211).

Информативный потенциал атрибута зависит от степени его формальной выраженности: простой, распространенный, придаточное предложение. Атрибутивный элемент может давать качественную или количественную характеристику лица или предмета, указывать на его признаки, содержать его оценку, сообщать те или иные дополнительные сведения.

В функции атрибута могут выступать различные части речи, словосочетания или придаточные предложения:

1) свойственные и обычные для этой функции прилагательные:

— There was no fantasy about the world I entered. It was very real indeed.	— What sort of world?
	— The past.
	(D. du Maurier. <i>The house on the strand</i> .— N. Y., 1969, p. 17).

2) простейшие квантификаторы числительные:

— Been in the family for centuries.	(L. Howard. <i>Invitation to Paradise</i> .— N. Y. 1974, p. 13);
— How many centuries?	
— Four, maybe.	

3) специфическая для английского языка форма существительного в общем падеже (в препозиции):

- We're going to the works at Perivale St. Andrews this afternoon.
 - What works?
 - The cannon works.
- (B. Shaw. Four Plays.— M.: For.Lang. Publ. House, 1952, p. 78);

4) существительное в притяжательном падеже:

- I'm acting under orders.
 - Whose?
 - My superior officer's.
- (H. Painter. The homecoming.— London, 1972, p. 60);

5) предложно-именные сочетания:

- You know, we ought to get cracking on this garden.
 - Which garden?
 - On the one..., you know, with the house.
- (J. Orton. Loot. London. 1971, p. 206);

6) выступающие в атрибутивной функции различные разряды местоимений:

- Look in the drawer there.
 - Which drawer?
 - That drawer — that one.
- (F. S. Fitzgerald. The Great Gatsby.— Kiev: Dnipro Publ., 1973, p. 158);

7) причастия, причастные обороты (в препозиции или постпозиции):

- Now don't pull that line with me.
 - What line?
 - Trying to talk me out of the forty dollars.
- (E. S. Gardner. The Case of the deadly Toy.— N. Y., 1964, p. 79).
- A gentleman is waiting for you, sir.
 - What gentleman?
 - Called Don Carlos.
- (B. Cartland. Wings on my heart.— London: Arrow Books, 1977, p. 113);

8) инфинитивные конструкции:

- I hate the lessons, but I am very good at them.
 - What lessons, Clive?
 - Oh, how to make a husband like you.
- (G. Green. The complainant lover.— London, 1971, p. 23);

9) придаточные предложения (присоединяющиеся с формальным определителем связи или без него):

- I-I-I-ve given misleading information to the police.
 - What information?
 - ... that the eye belonged to my wife.
- (J. Orton. Loot.— London, 1971, p. 77).

Кроме качественной характеристики атрибутивные элементы могут передавать различные обстоятельственные оттенки. В данном случае вариативность языковых средств может проявляться в двух

направлениях: расподобление (многозначность атрибута) и уподобление (сближение атрибута с обстоятельством — по форме атрибут, по содержанию — обстоятельство). Атрибутивные элементы могут передавать различные обстоятельственные оттенки: пространственные, целевые и т. д.

— When I get these pees up I'll take my first competition.	— They should invent a machine.
— Local?	— Wot?
— Down at the Roxy.	— Gratify all your senses at once.
(W. Mankowitz. The bespoke overcoat.— London, 1962, p. 126).	(D. Hare. Teeth 'n'smiles.— London, 1976, p. 73).

Ср.:

— Police have located Myrtle Fargo's car.	— I was putting it in the cupboard.
— Where?	— Why?
— At the parking station... (E. S. Gardner, London, p. 12).	— To keep it hidden.
	(J. Orton. Loot. 1971, p. 56).

Таким образом, при конкретизации группы существительного происходит семантическое восполнение исходного высказывания за счет элементов, передающих различные атрибутивные или обстоятельственные отношения. Характер семантической связи между детерминируемым существительным и его детерминатами определяется прежде всего лексической семантикой существительного, являющегося информативным центром исходного суждения и возможностью реализации его лексической валентности.

В дальнейшем предполагается детальная разработка семантико-парадигматической конкретизации исходного высказывания.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка.— Л.: Наука, 1973.— 366 с. 2. Арутюнова Н. Д. Почему-реплики в современном русском языке.— Вopr. языкознания, 1965, № 3, с. 22—27. 3. Беркнер С. С. Некоторые явления взаимодействия реплик в английской диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1960.— 24 с. 4. Вейхман Г. А. Структурные модели разговорного английского языка.— М.: Междунар. отношения, 1969.— 223 с. 5. Маркина Л. С. Четырехзначные диалогические единства в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1973.— 25 с. 6. Николаева В. Д. К проблеме классификации трехчленных диалогических единств в английском языке.— Вестн. Харьк. ун-та, № 185. Иностр. языки, вып. 12. Харьков, 1979., с. 32—36. 7. Почепцов Г. Г. Синтагматика английского слова.— Киев: Вища школа, 1976.— 111 с. 8. Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка.— М.: Высш. школа, 1979.— 166 с.

Поступила в редколлегию 10.11.80.

Э. Г. ПАПОВЯНЦ

СИНОНИМИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Предложение как минимальная и основная единица речевого общения представляет собой многоплановое явление и в структурном и в смысловом отношении. Сложная взаимосвязь содержательного и формального аспектов предложения обуславливает значи-

тельную вариативность в формах передачи идентичного мыслительного содержания.

Целью данной статьи является рассмотрение синонимических корреляций синтаксических моделей предложений качественной характеристики (ПКХ). К синтаксическим синонимам относятся равнозначные, т. е. описывающие одну и ту же денотативную ситуацию предложения, построенные по разным моделям [3]. «Типовая смысловая структура составляет инвариантный стержень синонимических моделей предложения. Функционально-семантическое сходство разноструктурных моделей отражается на наличии предикативно-сочлененных равнозначных компонентов, которые и являются носителями данного типового значения» [2, с. 116].

Многообразие обнаруживаемых в речи конкретных предложений с типовым значением «предмет и его признак» может быть сведено к следующему ряду моделей: 1) адъективная модель $N - V_{\text{cop}} - \text{Adj}$; 2) модели с существительным в качестве стержневого компонента: а) $N_1 - V_{\text{cop}} - N_2$; б) $N_1 - V_{\text{cop}} - N_2 \text{ of } N_3$; в) $N_1 - V_{\text{semi-cop}} - N_2$; г) $\text{There} \begin{smallmatrix} \text{is} \\ \text{are} \end{smallmatrix} - N_{\text{abc}} - \text{prp } N_2$; 3) модель с глагольным компонентом $N - V$.

Что же служит причиной структурного разнообразия, оформляющего одно и то же смысловое содержание? Как известно, референтом модели на понятийном уровне является сигнификативная ситуация (состояние среды, психическое состояние субъекта, качество субъекта и т. д.), представляющая собой обобщение большого числа однотипных индивидуальных предметных (денотативных) ситуаций. Синтаксическая модель и сигнификативная ситуация находятся в отношениях означающего и означаемого. Большая часть синтаксических моделей служит для описания не одной, а нескольких сигнификативных ситуаций, и вместе с тем любая сигнификативная ситуация может быть, по-видимому, передана с помощью ряда синтаксических моделей. Так, например, модель $N_1 - \text{have} - N_2$ служит для описания ситуации принадлежности (I have a sister), психического состояния (I have fear), физического состояния (She has quinsy), действия (He is having a rehearsal) и, наконец, качества субъекта (She has talent).

С другой стороны, одна и та же сигнификативная ситуация, как, например, качественная характеристика субстанции, может реализоваться с помощью нескольких структурных вариантов. Ср.: She is graceful; She is all grace; She is a woman of grace; She has grace; There is grace about her. Отсюда следует, что модель предложения нельзя превращать в носительницу совершенно разобщенных, дискретных значений, так как для системы значений, представленных грамматической формой, характерна не дискретность, а наличие переходных, пограничных случаев.

То обстоятельство, что любая сигнификативная функция может реализоваться рядом разноструктурных единиц, лежит в основе образования синонимичных синтаксических моделей. Залог суще-

ствования синтаксических синонимов — в их различиях, которые носят в ряде случаев характер очень тонких оттенков, но тем не менее они всегда могут быть выявлены. Основной в синонимическом ряду моделей ПКХ является адъективная модель $N-V_{co}-Adj$, выделенная по следующим причинам: во-первых, качественная характеристика — основная сигнификативная функция данной модели, во-вторых, для последней характерно наиболее полное семантическое соответствие обобщенного грамматического значения [1] и сигнификативной функции, в-третьих, основная модель является наиболее нейтральной единицей в синонимическом ряду. Адъективная модель находится в вариативном ряду с системой второстепенных моделей, которая включает субстантивные модели и глагольную модель. Выбор той или иной модели из синтаксического ряда моделей ПКХ обусловлен прежде всего коммуникативной интенцией говорящего, куда включаются соображения и стилистического порядка — необходимость концентрации признака, его интенсификации или эмфатического выделения.

Так, для выражения концентрированного признака предпочтение отдается субстантивным моделям, как наиболее эффективному средству реализации данной цели. Проиллюстрируем это следующими примерами: *He's always been kindness itself to you — He's always been kind to you. They were devils of fellows — They were devilish fellows. Her skin was of great whiteness — Her skin was very white.*

Помимо различий в стилистической тональности между синонимическими предложениями наблюдаются также тонкие семантические различия. Так, например, предложение модели $N_1-V_{semi-cop}-N_2$ (*She has talent*) может сообщать о наличии того или иного свойства, выраженного компонентом N_2 , характеризующего носителя признака N_1 . Однако эта информация необязательно предполагает, что свойство может служить общей характеристикой носителя данного признака. Поэтому нельзя считать эквивалентными по смыслу предложения *He has talent* и *He is talented*. Указанное смысловое различие существенно лишь в тех случаях, когда речь идет о свойствах, которые распадаются на много частных вариантов (например, можно иметь много разных талантов, способностей: *"She had a rare capacity for disinterested love"* [8, с. 132]; *"Mr Chandler has the gift of easy and graceful verse"* [6, с. 68]), или о свойствах, которые различаются по своей количественной характеристике (так, предложение *He has courage* может предполагать меньшую меру мужества, чем *He is courageous*). Особенно рельефно различия в количественной характеристике признака выступают при параллельном употреблении предложений адъективной и субстантивной моделей: *"Of course you had to admit that he had... cleverness, shrewdness rather, but he was not nearly so clever as he thought himself"* [9, с. 78].

В этом смысле можно отметить синонимическое сближение данной модели с субстантивной моделью $There\ is\ /are-N_{abs-prp}-N_2$,

специфичной особенностью которой является выражение неполной степени проявления признака: "There was a size, a richness about London" [10, с. 14]; "There was a carelessness in his demeanour ... a gaiety about nothing in particular" [8, с. 186]. Следует добавить, что субстантивная модель $N_1 - V_{\text{semi-cop}} - N_2$ выбирается в том случае, если предиктируемый признак составляет достоинство лица, им обладающего, преимущество перед другими. Например, можно сказать *She has beauty*, но не *She has ugliness*; последнее воспринимается как некорректное. В силу того что данная субстантивная модель представляет свойство как особое преимущество денотата, ее функционирование контекстуально ограничено. В следующем контексте она закономерно уступает место адъективной модели, при этом ее вариативность с последней остается лишь потенциальной, нереализуемой: "When the ladies retired to the drawing room I found myself sitting next to Thomas Hardy. I remember a little with an earthy face ... He was amiable and mild" [7, с. 25].

Синонимическое сближение субстантивных и глагольных моделей также не предусматривает их абсолютного тождества. При сопоставлении предложений "He could not understand what she found wrong with him. It was not as if *he drank*" [5, с. 75] и "*Duffy, of course, was a drinker, but he wasn't drinking that night*" [11, с. 395] нетрудно заметить, что глагольное предложение фиксирует постоянный признак все же с выявлением его действительного характера, между тем, как в предложениях с существительным в качестве ядерного компонента эта акциональность в значительной мере приглушена и заслонена статическим, предметным представлением признака. В ряду случаев модели ПКХ оказываются в синонимических отношениях с моделями иного семантического типа, а именно, моделями акциональных предложений. При параллелизме употреблении они могут оформлять различные смысловые отношения, такие, например, как постоянный признак — единичное или ограниченное во времени действие: "*Duffy, of course, was a drinker, but he wasn't drinking that night*" [11, с. 395].

В сложном синтаксическом целом акциональные предложения нередко раскрывают значение предыдущего предложения качественной характеристики, служат целям уточнения его смысла: "I was the world's greatest worrier once. I didn't just worry about myself. I worried about everyone else" [4, с. 117].

Иногда синонимическое варьирование предложений с разными семантическими типами предикатов диктуется необходимостью речноструктурного оформления высказывания, чтобы избежать монотонности и однообразного повторения: "Now *you mustn't flirt with me, Colonel,*" she cried, giving him a roguish delicious glance... "George, George," smiled Mrs Gosselyn. And then to Julia: "*He always was a terrible flirt*" [9, с. 46].

В грамматической организации текста адъективные, субстантивные и глагольные модели ПКХ связаны между собой линией

взаимных переходов, обусловленных заданием акта коммуникации. Соотносительность этих форм предикирования создает возможность выбора — они варьируются, заменяют друг друга, используются в одном ряду, вовлекают в синонимический ряд модели других семантических типов предикатов, что дает возможность дифференцированно передавать тонкие смысловые нюансы.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка. — ВЯ, 1975, № 1, с. 38—54. 2. Раевская М. Н. К вопросу о реляционной значимости моделей предложения. — В кн. Исследования по романской и германской филологии. Киев, 1975, с. 113—117. 3. Распопов И. П., Сычева С. М. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия. — ФН, 1974, с. 66—72. 4. Brain J. Life at the top. — Ldn : Penguin Books, 1965. — 265 p. 5. Galsworthy J. The Forsyte saga : The map of property. — M. : Progress Publishers, 1975. — 383 p. 6. Joyce J. Dubliners. — Ldn, 1977. — 207 p. 7. Maugham S. Cakes and ale or the skeleton in the cupboard. — M. : Progress Publishers., 1977. — 406 p. 8. Maugham S. Rain and other short stories. — M. : Progress Publishers, 1977. — 406 p. 9. Maugham S. Theaet. — M.: 1979. — 288 p. 10. Priestly J. B. Angel pavement. — M. : Progress Publishers, 1977. — 503 p. 11. Warren R. P. All the king's men. — Ldn : New English Library, 1974. — 479 p.

Поступила в редколлегию 10.11.80.

Т. Г. ПОПОВА

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ СКАЗУЕМОГО С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫМ ПРЕДИКАТИВНОМ

В настоящее время особое значение приобретает проблема изучения эмоций, их выражения и распознавания в процессе общения в речи [5]. В той или иной степени речь всегда эмоциональна, так как говорящий не только указывает на какое-то действие, но и выражает свое, субъективное отношение к нему, тем самым утверждая себя в предметном мире [1]. По мнению Р. А. Будагова, в языке эмоциональное (субъективное) оказывается в зависимом положении от предметно-логического (объективного) [4]. Как отмечает Г. В. Колшанский, распространенное в лингвистической литературе отграничение коммуникативной функции языка от «экспрессивной» или «эстетической» является по существу искусственным расчленением единой по природе сферы информации [8]. Попытка строго отделить эмоциональное от интеллектуального так же неправомерна, как разделение субъективного и объективного, эмоционального и рационального. Однако в целях достижения достоверных результатов мы условно отграничиваем эмоциональное от рационального, не забывая об их взаимосвязи.

Рассматривая проблему выражения эмоциональности на синтаксическом уровне, следует упомянуть о том, что в советском и зарубежном языкознании эмоциональное значение рассматривается как разновидность лексического. Но эмоции могут реализоваться также и предложением, что дает основание разделить указанные значения.